

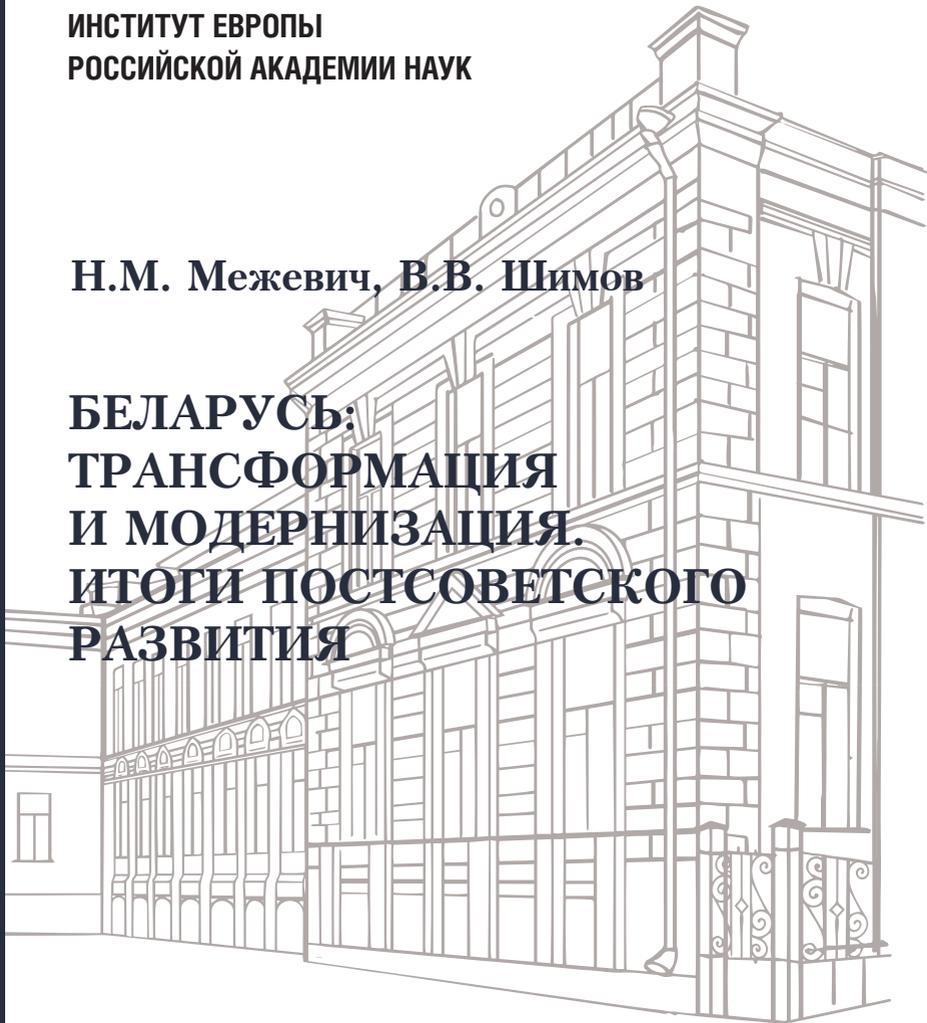
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Н.М. Межевич, В.В. Шимов

**БЕЛАРУСЬ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ
И МОДЕРНИЗАЦИЯ.
ИТОГИ ПОСТСОВЕТСКОГО
РАЗВИТИЯ**

МОСКВА
ИЕ РАН
2024

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

Н.М. Межевич, В.В. Шимов

**БЕЛАРУСЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ
И МОДЕРНИЗАЦИЯ.
ИТОГИ ПОСТСОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ**

**Доклады Института Европы
№ 409**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2024**

УДК [32+338.1](476)"1991/20"

ББК 66.2(4Бел)+65.9(4Бел)

М43

Редакционный совет:

**Н.Б. Кондратьева (председатель), А.И. Бажан,
В.Б. Белов, О.В. Буторина, К.Н. Гусев, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потёмкина**

Ответственный редактор К.Н. Гусев,
редактор Е.В. Дрожжина

Рецензенты:

Комлева Валентина Вячеславовна, д.социол.н., проф., Национальный
исследовательский институт развития коммуникаций
Курылев Константин Петрович, д.и.н., РУДН им. Патриса Лумумбы

Тема НИР FMZS-2024-0006

«Современные проблемы экономики Европы (2024–2026 гг.)»

**Межевич, Н.М. Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги
постсоветского развития = Belarus: transformation and modernization.
Results of post-soviet development : [монография] / Н.М. Межевич,
В.В. Шимов. – М.: Ин-т Европы РАН, 2024. – 124 с. – (Доклады Ин-
ститута Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос.
бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ;
№ 409). – Парал. тит. л. англ. – EDN: YVGCKK. – DOI:
http://dx.doi.org/10.15211/report32024_409. – ISBN 978-5-98163-218-1.**

В монографии рассмотрены особенности социально-экономического, политического и национально-культурного развития Республики Беларусь в постсоветский период. Выявлена и проанализирована специфика, которая сделала траекторию эволюции белорусской государственности во многом уникальной и отличающейся от других государств европейской части бывшего СССР и постсоциалистических стран Восточной Европы.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report32024_409

© ИЕ РАН, 2024

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

N.M. Mezhevich, V.V. Shimov

**BELARUS: TRANSFORMATION
AND MODERNIZATION.
RESULTS OF POST-SOVIET DEVELOPMENT**

**Reports of the Institute of Europe
№ 409**

Monography

**Moscow
IE RAS
2024**

Аннотация

В монографии исследованы особенности трансформации и модернизации Республики Беларусь в постсоветский период. Авторы представили комплексный взгляд на этот процесс, который имел в Беларуси выраженную специфику и сделал её развитие во многом не сходным как с соседями по бывшему СССР, так и постсоциалистическими странами Восточной Европы. Рассмотрены основные аспекты жизни белорусского государства и общества в постсоветский период: развитие политической системы, экономические реформы, политика в сфере культуры, языка, национальных отношений и исторической памяти, внешняя политика. Отдельно рассмотрено Союзное государство России и Беларуси как значимый фактор развития белорусско-российских отношений в экономике и политике. Выявлены основные характеристики белорусской модели постсоветской трансформации и причины её непохожести на другие государства Восточной Европы.

Annotation

The monograph is devoted to the study of the peculiarities of the transformation and modernization of the Republic of Belarus in the post-Soviet period. The authors present a comprehensive view of this process, which had a distinct specificity in Belarus and made its development in many ways unlike both its neighbors in the former USSR and the post-socialist countries of Eastern Europe. The main aspects of the life of the Belarusian state and society in the post-Soviet period are considered: the development of the political system, economic reforms, policy in the sphere of culture, language, national relations and historical memory, foreign policy. The Union State of Russia and Belarus is considered separately as a significant factor in the development of Belarusian-Russian relations in economics and politics. The main characteristics of the Belarusian model of post-Soviet transformation and the reasons for its dissimilarity from other states of Eastern Europe are identified.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Распад СССР: Беларусь и постсоветские сценарии развития.....	10
Глава 2. Политическое развитие Беларуси:	21
Глава 3. Экономическое развитие Беларуси.....	38
Глава 4. Язык, историческая память, национальная идентичность: специфика белорусского пути.....	61
Глава 5. Белорусская внешняя политика.....	80
Глава 6. Союзное государство как формат постсоветской организации экономического и политического пространства.....	98
Заключение	110
Литература	114
Об авторах	121

CONTENTS

Introduction	7
Chapter 1. The collapse of the USSR: Belarus and post-Soviet development scenarios.....	10
Chapter 2. Political development of Belarus.....	21
Chapter 3. Economic development of Belarus.....	38
Chapter 4. Language, historical memory, national identity: specificity of the Belarusian path.....	61
Chapter 5. Belarusian foreign policy.....	80
Chapter 6. The Union State as a format of the post-Soviet organization of economic and political space.....	98
Conclusion	110
Literature	114
About the authors	121

ВВЕДЕНИЕ

Тридцать лет постсоветского развития стали причиной рождения интересного жанра, имеющего как академическое, так и публицистическое измерение. Речь идёт о многочисленных работах типа «Почему Россия не Америка», «Почему Россия не Финляндия» и т.п. К современному регионоведению эти труды не всегда имеют отношение, так как считается, что сравнивать можно только объекты, имеющие общие, изначально близкие характеристики. Приведённые примеры таковыми не являются. Но в данном контексте понятно, почему после первого украинского майдана стала популярной тема сравнения Беларуси и Украины. Это две страны, чья история, география и этнография действительно весьма близки, а результаты постсоветской трансформации в них настолько различны, что противоречие между общими предпосылками и демонстративно разными результатами не может быть проигнорировано и должно быть как-то объяснено. Авторы не позиционируют себя как специалисты по Украине: наши научные интересы относятся к Беларуси. И ответ на вопрос: «почему Украина не Беларусь?» невозможен без детального изучения практик трансформации и модернизации в Беларуси. Касаясь Украины, отметим только, что трансформация там развернулась в направлении неуклонного сползания в архаику. Иными словами, трансформация состоялась, а модернизация – нет.

Вопрос о соотношении трансформации и модернизации принципиально важен. С нашей точки зрения, любая модернизация – это трансформация. Однако обратной связи нет. Трансформация может быть успешной, способствующей социальному и экономическому прогрессу – в этом и только в этом случае это модернизация. Возможен и вариант, когда трансформация приводит к деградации экономической системы. Такие примеры на постсоветском пространстве тоже есть. Украина – пример классический, но не единственный.

Курс на вестернизацию для западного периметра постсоветского пространства был очевиден, дискуссия могла возникнуть и возникла лишь по поводу темпов развития, приоритетов, стра-

тегических целей. Основной экономической целью трансформации провозглашалось повышение уровня и качества жизни населения на основе устойчивого экономического роста. Об этом говорили от Таллина до Киева. Трансформационная, или переходная, экономика – это особое состояние экономической системы, характерное для перехода общества от одной сложившейся модели (системы) к другой. При этом главная характеристика системы – устойчивые взаимосвязи между элементами и подсистемами, состав которых может меняться, не внося дисбаланса в существование системы в целом. Трансформационный период – это временной отрезок, в течение которого общество осуществило радикальные экономические преобразования, а экономика страны перешла в новое, качественно иное состояние в связи с кардинальными реформами экономической системы.

С нашей точки зрения, современное состояние экономики Беларуси позволяет говорить о завершении значимого этапа и трансформации, и модернизации экономики. Иная ситуация на Украине: трансформация произошла, но говорить о модернизации было бы некорректно. Более уместно говорить о переходе в архаику в экономике и в тоталитаризм с явными признаками нацистской идеологии в течение последних двадцати лет.

Политическая система Беларуси в настоящее время обеспечивает стабильность и отвечает большинству запросов гражданского общества. В строгом академическом измерении можно выделить в ней некоторые признаки авторитарности. Но ещё раз обозначим позицию авторов: высокий уровень государственного участия в рыночной экономике и система принятия политических решений персоналистского характера отвечают общественному запросу, исторической традиции, характеру и структуре экономического потенциала.

До середины 2020 г. в Республике Беларусь сохранялись условия для дальнейшего существования социально-экономической модели, которая начала выстраиваться в середине 1990-х гг. Она была основана на весьма широком общественном консенсусе, прямой и косвенной поддержке России, многовекторности, сохранении государственного управления над многими сферами общественной жизни (не только над экономикой). При этом вы-

зовы белорусской модели вызревали медленно, но неуклонно. Неизбежно утрачивало монополию на истину то поколение, чья модель мира формировалась под влиянием событий конца 1980-х – начала 1990-х гг. Апелляции властей к тем избирателям, которые и так были против возврата к анархии, не работали для молодёжной аудитории, постепенно становившейся менее «молодёжной», но более массовой. Логичное предположение власти – если у оппозиции нет внятной программы в экономике и политике, то за ней и не пойдут – сработало лишь частично. Определённая часть избирателей вышла на улицы по украинской модели, предполагающей отрицание без любого предложения¹.

Второе условие сохранения белорусской модели – экономические преференции со стороны России. Отметим, преференции – это не дотации. Но и дотации – это не всегда безвозвратное финансирование. В том числе и потому, что они предполагают не только экономическое, но и политическое измерение.

Не менее важно третье условие – стабильная политическая и экономическая ситуация в мире. Когда «каждый сам за себя», относительно небольшие и демонстративно многовекторные страны проигрывают первыми. В Минске это поняли, может быть, позже, чем хотелось Москве, но раньше, чем ситуация стала необратимой для Беларуси.

После 2020 г. власти Беларуси пришли к пониманию, что реформы неизбежны, но по-прежнему считают единственно возможным путём управляемый вариант национального развития. В основе его лежат три сценария, причём определяющий фактор для них – совокупность внутренних факторов российско-белорусской интеграции, а не внешнее воздействие. Первый сценарий основывается на сохранении текущего уровня нестабильности в Европе и мире. Российско-белорусская союзная интеграция будет углубляться под воздействием дополнительного эффекта защитной реакции. Второй сценарий ожидает углубления кризиса и ускоренными темпами ведёт к расширению полномочий Союзного государства. Третий предполагает выход из кризиса в среднесрочной перспективе, однако и он способствует раз-

¹ Подробнее: Межевич Н.М. Беларусь: политические и экономические предпосылки будущего кризиса // Аналитические записки ИЕ РАН. 2020. №34.

витию российско-белорусской интеграции. Таким образом, при различных сценариях перспективы российско-белорусской интеграции принципиально не отличаются, но темпы её развития могут быть разными². Иными словами, при всех очевидных достижениях Беларуси в экономической и политической сферах российско-белорусские отношения остаются одним из ключевых условий для дальнейшей трансформации и модернизации страны.

ГЛАВА 1. РАСПАД СССР: БЕЛАРУСЬ И ПОСТСОВЕТСКИЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Экономический и политический романтизм 1985–1991 гг. затронул весь СССР.

Сначала рассмотрим экономические аспекты постсоветских сценариев. Не было национальный республики, где бы тезис о том, что «мы кормим весь СССР» не стал программным, однако именно в Советской Белоруссии он не стал определяющим. 11 июля 1990 г. в г. Хьюстон (США) прошло Экономическое совещание, посвящённое состоянию и трансформации экономики СССР, в т.ч. в региональном ключе. В совещании принимали участие представители Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития, Организации экономического сотрудничества и развития, Европейского банка реконструкции и развития. От России присутствовали Е. Гайдар, А. Шохин, С. Шаталин. В меморандуме по итогам совещания был сделан вывод, не опровергнутый до настоящего времени: «Если бы продаваемые товары оценивались по мировым рыночным ценам, Российская республика имела бы огромный торговый избыток наравне с остальными странами, а другие республики имели бы рекордный торговый дефицит»³.

В союзном центре, как это ни парадоксально, не очень понимали характер межреспубликанских экономических отноше-

² Межевич Н.М. Проблемы Союзного государства в условиях неопределённости // Европа в кризисном мире / отв. ред. Ал.А. Громько. М.: ИЕ РАН: Изд-во «Весь Мир», 2022. С. 348.

³ Исследование состояния экономики СССР по запросу участников Совещания в Хьюстоне. М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1991. С. 23.

ний. «В начале 1960-х годов ЦСУ СССР инициировало работу по составлению отдельных разделов баланса народного хозяйства в союзных республиках. Это потребовало решения ряда вопросов методологии, организации взаимодействия между ЦСУ СССР и статистическими органами союзных республик. Возникла необходимость согласования оценок национального дохода страны и оценок национального дохода союзных республик. Некоторые элементы национального дохода союзных республик исчислялись централизованно в ЦСУ СССР и затем сообщались статистическим органам союзных республик. В конечном итоге национальный доход страны был равен сумме показателей национального дохода союзных республик»⁴.

Лишь в 1989–1990 гг. Госкомстат СССР впервые за всю историю плановых органов на базе методики межотраслевых балансов начал работу над расчётом и пересчётом экспорта, импорта и межреспубликанских товарных потоков в мировые цены⁵. В основе методики были уникальные на тот момент труды учёных из Новосибирска. Работавший под руководством академика А.Г. Гранберга коллектив сотрудников Института экономики и организации промышленного производства СО РАН провёл исследование экономики страны на базе модели двухзонального (РСФСР – остальная часть страны) межотраслевого баланса, позволившего дополнить статистику прямых торговых связей показателями т.н. полного ввоза и вывоза не только продукции, но и затрат трудовых ресурсов и капитала⁶. Разумеется, расчёт был осуществлён в мировых ценах. Результат получился достаточно неожиданным, политически опасным и докладывался в виде Ана-

⁴ Иванов Ю.Н., Рябушкин Б.Т. К 90-летию первого баланса народного хозяйства: истоки и эволюция макроэкономической статистики России // Вопросы статистики. 2016. №4. С. 77.

⁵ Гранберг А.Г., Сулов В.И. Коалиционный анализ многорегиональных систем: теория, методология, результаты анализа (СССР накануне распада): науч. докл. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1993. 63 с.; Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В. Современные постановки прикладных межрегиональных межотраслевых моделей // Исследования многорегиональных экономических систем: опыт применения оптимизационных межрегиональных межотраслевых систем / под ред. В.И. Сулова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007. С. 29-59.

⁶ Ершов Ю.С. Экономика постсоветского пространства: ожидавшееся и неожиданное // ЭКО. 2016. №10. С. 25-26.

литической записки членам Политбюро ЦК КПСС. Оказалось, что в случае гипотетического распада страны в преимущественном положении оказываются РСФСР, АзССР и КазССР.

Перестройка 1985 г. положила начало дискуссиям о путях развития Советской Белоруссии. Всё чаще стали звучать призывы к «независимости», правда, поначалу применительно только к решениям по хозяйственным вопросам. Тема политической независимости в Белоруссии заняла подчинённое положение по отношению к экономике, в отличие от Украины, Прибалтики и Грузии. Процессы, связанные с распадом СССР, в Белоруссии первоначально проходили типично для республик западного пояса (им мы будем считать республики Прибалтики, Белоруссию, Украину и Молдавию).

Наращение социально-экономических трудностей в сочетании с политической либерализацией привели к повышению протестной общественно-политической активности, которая в союзных республиках, а также во многих национальных автономиях более низкого ранга, вылилась во всплеск этнического национализма.

Пионерами этого процесса стали прибалтийские республики, где один за другим возникали «народные фронты», которые первоначально позиционировались как общественные движения в поддержку перестройки, но очень быстро приобретали антисоветский и национал-сепаратистский характер. На Украине возникло аналогичное движение – Рух⁷.

Белоруссия тоже не стала исключением. В 1988 г. здесь возникает Белорусский народный фронт «Адраджэнне» («Возрождение») (далее БНФ). Как и в других республиках, у его истоков стояла в основном творческая гуманитарная интеллигенция – наиболее политизированная и социально активная группа советского общества. В силу субъективных причин экономистов в Белорусском народном фронте оказалось меньше, чем в народных фронтах Прибалтики. Возможно, поэтому на первом, ключевом, этапе реформ экономика независимой Беларуси не была столь дезорганизована, как в Прибалтике?

⁷ Народное движение Украины (укр. Народний Рух України, Рух) – украинская политическая партия и первая оппозиционная партия в Советской Украине.

Повестка, продвигаемая БНФ, также была вполне типичной: национальное возрождение, понимаемое как утверждение монополии титульного языка и культуры в масштабах государства, избличение сталинских репрессий (опять же, в национальном аспекте как направленных прежде всего против белорусского «цвета нации»). В экономике – поддержка курса на переход к рынку. В политике – курс на политический суверенитет, сначала завуалированный, а со временем – всё более открытый.

Как и в других республиках, БНФ в Белоруссии активно использовал тему сталинских репрессий для дискредитации советского строя и государства и популяризации собственных идей.

Своеобразным символом преступлений сталинизма в Белоруссии стал расстрельный полигон Куропаты, информацию о котором обнародовал в 1988 г. лидер БНФ Зенон Позняк. И хотя впоследствии выяснилось, что данные о количестве жертв, захороненных там, оказались сильно преувеличенными, и, более того, возникли сомнения, что там захоронены именно жертвы НКВД, а не граждане, расстрелянные нацистами в годы оккупации⁸, миф о Куропатах зажил собственной жизнью и стал важной точкой сборки для всех белорусских оппозиционных националистических сил на протяжении всего периода независимости. В частности, неотъемлемой частью белорусской оппозиционной политической культуры стало ежегодное шествие в Курпаты на «Дзяды» (день поминовения усопших, отмечаемый 2 ноября).

Своеобразное преломление ещё в Советской Белоруссии получила и экологическая проблематика, также популярная в последние годы существования СССР. Представление о советских методах хозяйствования как о наносящих непоправимый вред окружающей среде стало общим местом пропаганды эпохи перестройки и внесло существенный вклад в общую дискредитацию СССР в глазах собственных граждан.

В Белоруссии эта тема получила развитие прежде всего в связи с Чернобыльской катастрофой и её последствиями. Несмотря на то что сама авария произошла на территории Украины, наиболее тяжёлый ущерб от её последствий понесла имен-

⁸ Плавинский А.С. Куропаты: у истоков исторической сенсации. Минск: Бизнесофсет, 2019. 167 с.

но Белоруссия, где в зоне радиационного поражения оказалась значительная часть Гомельской и Могилёвской областей. Опять же, тема активно использовалась Белорусским народным фронтом в его политической пропаганде, а день 26 апреля, когда произошла катастрофа, стал не только памятной, но и политической датой с ежегодным шествием «Чернобыльский шлях».

В 1990 г. БНФ вошел в Верховный Совет БССР, сформировав там свою фракцию. Она находилась в меньшинстве и определяла себя как оппозиционную, однако именно под её идеологическим влиянием принимались ключевые документы, формировавшие контуры будущего независимого белорусского государства: Декларация о суверенитете БССР, законы о государственном языке, наименовании и символике.

Таким образом, в первые годы независимости Белорусский народный фронт стал единственной общественно-политической силой, которая имела вполне целостный проект национально-государственного строительства.

Этот проект нельзя назвать оригинальным, он был типичен для республик западного пояса бывшего СССР и постсоциалистических государств Восточной Европы. Коротко сформулируем основные постулаты этого проекта.

1. В плане национального строительства – создание культурно-герметичной этнонации с полным преобладанием титульного» (в нашем случае – белорусского) языка и культуры. Борьба с русским культурно-языковым влиянием как следствием «колониальной зависимости» от России (подробнее об этом см. главу 4).

2. В экономическом плане – радикальные рыночные реформы («рыночный фундаментализм»), которые предусматривали в том числе демонтаж советского индустриального комплекса как якобы неэффективного и неконкурентоспособного.

3. Во внешнеполитическом плане – геополитическое «бегство от Москвы», разворот в сторону Запада как более привлекательного центра.

Появление столь однотипных идеологических проектов во многих государствах сразу обуславливалось радикальной сменной регионального порядка, которая происходила в Восточной

Европе на рубеже 1980–1990-х гг. Крах социалистического лагеря и СССР, по сути, означал крах системы российского геополитического доминирования, которая просуществовала в Восточной Европе четыре десятилетия.

Российский геополитик В.Л. Цымбурский, и не только он, предполагал, что распад социалистической системы приведёт к превращению Восточной Европы в нейтральное, буферное, лимитрофное пространство, отделяющее сжавшуюся Россию от Запада. Однако на практике получилось иначе, и с самого начала 1990-х гг. геополитический вакуум на востоке Европы, образовавшийся после крушения социалистической системы, начал заполняться евро-атлантическими структурами доминирования, прежде всего Европейский союз (ЕС) и НАТО⁹.

Именно в этом контексте происходила политико-идеологическая перестройка восточноевропейских государств и примыкающих к ним постсоветских республик западного пояса, в т.ч. и Белоруссии. Отсюда и типологическое сходство тех нарративов, в рамках которых развивались государства региона: анти-российская направленность, демонизация советской истории, демонтаж экономической инфраструктуры, ориентированной на связи со странами СЭВ и СССР.

Степень практической реализации этой модели и её успешность существенно варьировались в разных странах региона. В первую очередь это зависело от ценностного консенсуса внутри общества и его готовности к подобной трансформации, даже несмотря на социально-экономические издержки. Практически все постсоциалистические страны Восточной Европы, а также республики Прибалтики, совершили западный разворот ещё до декабря 1991 г. при широкой внутренней социальной поддержке или по крайней мере без значимого сопротивления.

При этом для ряда стран (Польша, Чехия, Словения) встраивание в евро-атлантические структуры оказалось достаточно успешным и впоследствии активно использовалось пропагандистами «западного выбора» в той же Белоруссии. В значительной степени это было обусловлено тесными историческими свя-

⁹ Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5-29.

зьями местных экономик с западным миром, которые сложились ещё в досоциалистические времена. Это позволило сделать переходный период относительно безболезненным и встроить экономики данных стран в западную систему, сохранив значительную часть промышленного потенциала.

В странах Прибалтики постсоциалистическая трансформация и геополитический разворот на Запад сопровождались масштабной деиндустриализацией. Вызванные ей социально-экономические проблемы были в значительной степени смягчены оттоком трудоспособного населения, перераспределением в частные руки государственной собственности, при этом европейские дотации позволили поддерживать в этих небольших странах приемлемый уровень жизни.

В случае с Белоруссией реализация подобного сценария наталкивалась на ряд препятствий. Во-первых, белорусский национализм с его антироссийской направленностью никогда не был объединяющей общество идеологией. По признанию лидера белорусских националистов З. Позняка, на пике своего влияния парламентская фракция БНФ составляла лишь 10% численности Верховного совета. Тесные культурные, исторические, языковые связи с Россией делали восприятие и поддержку антирусского национализма белорусским обществом весьма затруднительной.

В экономическом отношении Белоруссия, будучи частью народнохозяйственного комплекса СССР, зависела от связей с Россией в гораздо большей степени, чем Польша или Чехия, что также существенно затрудняло переориентацию республики на западные сети доминирования. Таким образом, издержки переориентации на Запад для Белоруссии оказывались существенно выше, а общественная поддержка – ниже, чем в странах Восточной Европы и Прибалтики. Как следствие, повестка, продвигаемая белорусскими националистами, встретила серьёзное сопротивление как со стороны белорусского общества, так и элиты уже в первые годы независимости.

Помимо внутренних факторов, важную роль в политическом самоопределении Белоруссии играли как региональный порядок, который складывался по периметру её границ, так и новая

глобальная система отношений, формировавшаяся по итогам распада СССР.

Становление белорусской государственности происходило в условиях геополитического отступления России и продвижения в Восточную Европу и на постсоветское пространство евроатлантических структур. Будучи пограничной с Россией страной, Белоруссия оказалась на геополитическом перекрёстке взаимоотношений Москвы с усилившейся и расширившейся Евро-Атлантикой, вышедшей на рубежи бывшего СССР, а в случае с Прибалтикой – переступившей их. В этой связи важно понять характер взаимоотношений России и Запада и то место, которое они отводили Белоруссии в рамках своей внешней политики.

Эпоха, последовавшая за распадом СССР, ознаменовалась становлением такого явления, как коллективный Запад¹⁰. Его можно определить как сообщество наиболее богатых и развитых стран Европы и Северной Америки, своего рода «сетевую империю», объединённую формальными и неформальными наднациональными институтами под «мягкой» гегемонией США.

Цивилизационная идентичность Запада как коллективное «мы», противопоставленное остальному миру, конечно, появилась намного раньше. Но до середины XX в. Запад был конгломератом «воюющих царств», т.е. сообществом постоянно конкурирующих и враждующих национальных государств и колониальных империй, способных образовывать в лучшем случае скоротечные и постоянно меняющиеся конфигурации и альянсы.

Становление Запада как коллективного субъекта началось после Второй мировой войны. Этому способствовал развал колониальных империй, который лишил европейские метрополии былой самодостаточности. Утрата ресурсной «подушки», которую обеспечивали колонии, делала прежнюю политику конкуренции и конфронтации бессмысленной и даже вредной, способной окончательно похоронить мировую гегемонию Запада, которую он обрёл в Новое время. Система «воюющих царств» сложилась в условиях подавляющего технологического превосходства Запада над всем остальным миром, когда внутренние

¹⁰ Авторы понимают всю спорность и неконкретность данного понятийно-терминологического блока.

расколы и войны не угрожали его цивилизационному лидерству. В условиях подъёма новых центров силы в лице СССР и цивилизаций Азиатско-Тихоокеанского региона «воюющие царства» Запада были вынуждены становиться на путь объединения.

Всё это сделало возможной консолидацию ослабевших европейских метрополий вокруг нового лидера – США, а также появление параллельно с национальными государствами новых наднациональных структур регулирования и управления – НАТО, ЕС и т.п.

Важный вклад в консолидацию Запада внесли холодная война и противостояние с СССР. «Коммунистическая угроза» подталкивала Запад к сплочению и закрепляла не только экономическую, но и политическую гегемонию США как лидера «свободного мира».

Распад СССР и социалистического лагеря традиционно воспринимается как наступление эпохи однополярного мира. Он означал не что иное, как установление гегемонии американоцентричного коллективного Запада в мировых масштабах. Эта гегемония, в частности, подразумевала формирование и поддержание системы привилегированного ресурсопотребления, обеспечивающей доминирование западных экономик в качестве ядра мировой системы. Учитывая ресурсоёмкость и прожорливость глобальной капиталистической экономики, а также ограниченность ресурсов планеты, это так или иначе означало поддержание глобального неравенства и недопущение возникновения альтернативных политико-экономических центров, способных оттянуть на себя значительную часть мировых ресурсов.

Расцвет системы однополярного доминирования пришёлся на 1990-е и первую половину 2000-х гг., когда СССР и социалистический лагерь прекратили своё существование в качестве основного вызова глобальному западному доминированию, а Китай ещё не выступил на мировую арену в качестве второй сверхдержавы. После восстановления, а затем и эффективного развития экономики Европы, распада социалистической системы и СССР начался новый период, продолжающийся и в начале третьего десятилетия XXI в. Международную ситуацию, которая складывалась вокруг Белоруссии после распада СССР, также

следует рассматривать в контексте установления гегемонии коллективного Запада.

Одним из измерений консолидации коллективного Запада стало появление такой структуры, как Европейский союз. Возникший первоначально как объединение преимущественно развитых западноевропейских государств, он стал претендовать на роль параллельного США центра в рамках западной «сетевой империи». Распад СССР и социалистического лагеря открыл ЕС дорогу на восток и позволил заявить о себе как о гегемоне не только в Восточной Европе, но и на постсоветском пространстве.

Если в 1990-е гг. Россия достаточно мало внимания уделяла процессам на постсоветском пространстве, как в силу внутренних неурядиц, так и иллюзорных расчётов на интеграцию в структуры коллективного Запада, то уже в 2000-е гг. Москва заявляет о своих эксклюзивных интересах на постсоветском пространстве и инициирует интеграционные процессы.

Первоначально евразийская интеграция рассматривалась, скорее, не как противовес, а как дополнение к интеграции европейской. Однако по мере увеличения западного давления на постсоветском пространстве отношения приобретали все более конкурентный и конфронтационный характер, и именно западный пояс бывшего СССР стал основной ареной конфронтации.

Для Белоруссии нахождение на геополитическом пограничье стало определяющим фактором государственного строительства в постсоветский период. Дискуссии о белорусской многовекторности, при всей политизации, имеют объективную природу. Они связаны с осмыслением этого пограничного положения. Политический класс Республики Беларусь частично повторил ошибки российских коллег – надежды на равноправное партнёрство с Европой и США. На практике евро-атлантические структуры, включая их новоиспечённых членов из Восточной Европы, были готовы говорить с Минском исключительно с позиций собственного политического, идеологического и морального превосходства. Это вызывало закономерное раздражение не только у сторонников выверенного государственного курса республики, но и у оппонентов этой линии.

Авторы доклада на протяжении нескольких десятилетий

присутствовали на конференциях, проводимых в Минске западными фондами. Укажем на то, что все они проходили по одному сценарию, апробированному на Прибалтике, Украине, Молдове. Этот сценарий не предполагал дискуссии. Например, все немецкие фонды, несмотря на различную партийную принадлежность, выступали с единых позиций. Сначала объясняя в Литве, а затем и в Беларуси необходимость отказа от атомной энергетики. В результате Литва отказалась от действующей станции, а в Беларуси была построена уникальная современная АЭС.

Вся идеологическая работа западных фондов и дипломатов в Беларуси была построена на модели изначального неравенства: «Мы говорим – вы выполняете». На каком-то этапе, вероятно, на рубеже 2012–2014 гг., Запад, приняв капитуляцию Украины, решил, что в Белоруссии возможен подобный сценарий и надеялся на него вплоть до 2019 г.

Подобный подход был применён и для стратегии НАТО в Беларуси. Но политики просто перепутали безоговорочную капитуляцию и предложение о сотрудничестве. Белорусский политический класс сумел в своём большинстве понять это, и поэтому НАТО-интеграция оказалась непопулярной. «Россия, несомненно, будет представлена в обновлённой стратегии НАТО как возрастающая угроза, идеологически противостоящая западному миропорядку. Под такую “угрозу” подвёрстывается и российское партнёрство с Беларусью, и сотрудничество Москвы и Пекина, и интеграционные проекты на постсоветском пространстве»¹¹.

Ещё один важный момент. Беларусь, по сути, не отказалась от советского наследия. Прибалтийский подход («Очистим площадку» – эст. *Plats puhtaks!*) в Белоруссии был признан нерациональным. Белорусские элиты, ориентированные на президента Республики, выбрали наиболее разумный сценарий постсоветского развития в экономике и политике. Более того, именно этот выбор был определяющим для последующей динамики развития страны. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что он выдержал проверку временем.

¹¹ Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе / отв. ред. Г.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН, 2022. С. 180.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ

Рассматривая вопросы формирования и эволюции политической системы Беларуси, вспомним программный тезис Ф. Анкерсмита: «Исторический подход к политическим системам предполагает, что каждая из них носит на себе отпечаток той специфической проблемы, которую она была призвана решить; иными словами, всякую политическую систему можно считать ответом на необходимость решить некий насущный вопрос»¹². Какой же вопрос решали политики нового государства Республики Беларусь? Первая задача была достаточно общей для всех республик, кроме Прибалтики, – поиск политико-правовой модели. «Восстановить» действие прежней конституции межвоенного периода, т.е. конституции периода независимого государства, было невозможно ввиду отсутствия такого периода. В отличие от других республик политический класс Беларуси не проявил активности в разрушении системы власти, до того, как возникнут новые содержательные проекты.

Феномен столь своеобразного политического развития Белоруссии в белорусской и западной политической науке мог осмысливаться по-разному.

По мнению белорусского исследователя Ю. Шевцова, особенности политического развития Белоруссии обусловлены спецификой «партизанских элит», сложившихся в Белорусской ССР в послевоенный период и не воспринимавших этнический национализм в качестве государственной идеологии, а также потребностями белорусского индустриального комплекса, для поддержания которого было необходимо сохранять тесные связи с Россией. Ю. Шевцов рассматривает белорусскую «авторитарную модернизацию» как эффективный способ постсоциалистической трансформации¹³.

Во многом сходных оценок придерживается и американский исследователь профессор Григорий Иоффе в своей книге «Переоценивая Лукашенко: Беларусь в культурном и геополитиче-

¹² Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия // Логос. 2004. №2. С. 15.

¹³ Шевцов Ю.В. Объединённая нация. Феномен Беларуси. М.: Европа, 2005. 256 с.

ском контексте». Он также рассматривает белорусскую авторитарную модернизацию как своеобразную, но вполне жизнеспособную модель. Книга была написана на английском языке и адресована в первую очередь западной аудитории и экспертному сообществу. Она представляла собой своего рода программу сближения Беларуси с Западом путём «мягкой» трансформации политического режима республики, без его радикальной ломки¹⁴. Однако в целом в западной аналитике преобладают негативные оценки белорусской политической системы как недемократической и нуждающейся в радикальных трансформациях¹⁵.

Как бы там ни было, и апологеты, и критики белорусской модели сходятся в её нетипичности для восточноевропейского региона.

Как и в других постсоветских республиках, становление политической системы Белоруссии начиналось под лозунгами демократизации и плюрализма. Предполагалось, что на смену однопартийной советской системе должна прийти демократическая республика западного образца с развитой партийной системой и системой разделения властей.

При этом сначала было не очевидно, какая модель республики в итоге будет положена в основу белорусского государственного строительства – президентская, парламентская или смешанная. Более того, в первые годы независимости казалось, что Беларусь скорее пойдёт по пути парламентской республики. В отличие от России и Украины, к моменту распада СССР Белоруссия так и не обзавелась постом президента. Эта должность в целом была не характерна для советской системы. В 1990 г. её на общесоюзном уровне ввёл М.С. Горбачёв, который таким образом попытался консолидировать власть в своих руках и одновременно дистанцироваться от теряющей легитимность и авторитет КПСС.

Однако замысел не удался и, более того, введение должностей президента в союзных и автономных республиках стало одним из элементов охватившего СССР в 1990–1991 гг. «парада

¹⁴ Grigory Ioffe. Reassessing Lukashenka: Belarus in cultural and geopolitical context. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2014. 305 p.

¹⁵ Belarus country report 2022. URL: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/BLR> (дата обращения 08.06.2024).

суверенитетов». Таким образом, само по себе появление должности президента можно рассматривать как важный признак распада советской политической системы, где ключевым управленческим звеном была коммунистическая партия, и наличие властных позиций вне партийного контроля не предусматривалось.

Белоруссия, однако, стала одним из немногих исключений из этого правила. Это обуславливалось общей относительной слабостью сепаратистских и националистических тенденций в республике (см. главу 4). Белорусская партийная номенклатура заняла выжидательную позицию и не форсировала политические преобразования, аккуратно подчёркивая, что управление государством – сложнейшая задача, требующая соответствующего опыта. Как следствие, к моменту распада СССР Республика Беларусь подошла с теми институтами власти, которые ей достались в наследство от БССР, а вплоть до 15 марта 1994 г. основным законом республики оставалась Конституция БССР 1978 г.

Двумя основными центрами власти в первые годы независимости Белоруссии (1991–1994 гг.) стали Верховный Совет (законодательная власть) и Совет министров (исполнительная власть). Формальным главой государства считался председатель Верховного Совета. До 26 января 1994 г. эту должность занимал Станислав Шушкевич, он же подписывал Беловежские соглашения в качестве главы Белоруссии, в отличие от Б.Н. Ельцина и Л.М. Кравчука, которые к этому времени уже обзавелись президентскими регалиями. После С.С. Шушкевича позиции спикера парламента и главы государства недолгое время совмещал М.И. Гриб – вплоть до вступления в должность президента А.Г. Лукашенко (20 июля 1994 г.).

Председателем Совета министров и вторым лицом в государстве весь этот период (1991–1994 гг.) был В.Ф. Кебич. Однако реальный аппаратный вес у него как у главы исполнительной власти был существенно выше, чем у спикера Верховного Совета, выполнявшего в основном представительские функции. На фоне сохранения двух «столпов» старой советской системы управления государством рухнуло третье управленческое звено – монополия коммунистической партии, которая обеспечивала согласованную работу Верховного Совета и Совета министров.

В 1990 г. была отменена ст. 6 Конституции СССР, закреплявшая однопартийность и властную монополию КПСС. Аналогичная участь постигла и Коммунистическую партию Белоруссии (КПБ), деятельность которой оказалась под запретом до 1993 г.

Одновременно с этим в Белоруссии начинается бум партийного строительства. Ещё в 1988 г. возникает Белорусский народный фронт (сперва в качестве общественного объединения) – националистическая организация, которая очень быстро заняла нишу ведущей оппозиционной силы. После официальной отмены однопартийности в Белоруссии возникает целый «куст» политических партий: Объединённая демократическая партия (с 1995 г. Объединённая гражданская партия), Белорусская крестьянская партия, Белорусская социал-демократическая громада, Белорусский христианско-демократический союз и т.п.

Однако все эти партии не имели широкой общественной поддержки и были не в состоянии образовать полноценную партийную систему. В Верховном Совете 12 созыва (1990–1995 гг.) насчитывалось до 20 фракций и депутатских групп, которые отличались крайней неустойчивостью и постоянно меняли свою численность.

В 1990–1991 гг. в деятельности Верховного Совета 12 созыва активную роль там играла оппозиционная фракция БНФ (27 человек из 345 депутатов), которая, несмотря на малочисленность, навязывала свою волю и повестку большинству. В частности, с её подачи были приняты законы о названии государства (Республика Беларусь вместо Белорусской ССР), символике (бело-красно-белый флаг и герб «Погоня») и государственном языке (только белорусский). В целом БНФ в первые годы независимости задавал идеологическую повестку, которую можно определить как «национальное возрождение».

На этом фоне шла подготовка новой конституции, которая должна была заменить морально устаревшую конституцию 1978 г. и оформить новую структуру власти белорусского государства. В 1992–1993 гг. был опубликован целый ряд проектов конституции, которые предусматривали введение поста президента, однако существенно различались в вопросах распределения

полномочий между ветвями власти¹⁶. Рассматривались варианты с «сильным» и «слабым» президентом, выполняющим сугубо представительские функции.

Итоговый вариант конституции был принят Верховным Советом 15 марта 1994 г. Он закреплял президентскую форму правления, при которой президент становился главой исполнительной власти. Одновременно с этим за Верховным Советом сохранялись широкие полномочия: принятие и изменение конституции, назначение выборов и референдумов, избрание высших судов Республики Беларусь, генпрокурора, председателя и Совета Контрольной палаты Белоруссии, председателя и Правления Национального банка Белоруссии, роспуск местных Советов, определение военной доктрины Белоруссии, а также объявление войны и заключение мира. Кроме того, президент должен был согласовывать с Верховным Советом назначение и отставку премьер-министра, его заместителей, министров иностранных дел, финансов, обороны, внутренних дел, председателя КГБ.

Дискуссия по поводу будущего конституционного устройства проходила на фоне нарастающего противостояния между Верховным Советом и Советом министров, а также общего усиления гражданской напряжённости.

Ухудшение социально-экономической ситуации, обусловленное распадом СССР, разрывом устоявшихся экономических связей и нарастающей конкуренцией иностранных производителей, побуждало технократическое правительство В.Ф. Кебича к восстановлению кооперационных связей с Россией. Напротив, Верховный Совет, где тон задавало националистическое меньшинство, которому покровительствовал спикер С.С. Шушкевич, становился основным штабом западнического лагеря в белорусском правящем классе.

Президентские выборы, состоявшиеся летом 1994 г., стали, по сути, соревнованием «прозападных» (З.С. Позняк, С.С. Шушкевич) и «пророссийских» (В.Ф. Кебич, А.Г. Лукашенко) кандидатов.

¹⁶ Курьянович А.В. Проекты Конституции Республики Беларусь в 1991–1993 гг.: краткий анализ // Конституция – основной закон белорусского государства и общества (к 20-летию принятия): Материалы Международной научно-практической конференции (г. Минск, 11-12 марта 2014 года). Мн.: Право и экономика, 2014. С. 58-60.

Победа А.Г. Лукашенко знаменовала радикальный поворот в эволюции белорусской политической системы. Лукашенко победил, оседлав нараставшую в обществе ностальгию по советским временам и запрос на восстановление тесных интеграционных связей с Россией. При этом он смог обойти В.Ф. Кебича, который играл в той же электоральной нише. Это было обусловлено тем, что Лукашенко смог проявить себя в качестве яркого публичного политика, который получил известность благодаря громким разоблачениям коррупции (в 1993–1994 гг. возглавлял временную комиссию Верховного Совета по борьбе с коррупцией). Кроме того, за В.Ф. Кебичем как за главой правительства тянулся негативный шлейф социально-экономических провалов и потрясений первых лет независимости. Таким образом, несмотря на наличие мощного административного ресурса, В.Ф. Кебич не смог обеспечить себе победу и проиграл А.Г. Лукашенко во втором туре президентских выборов.

Для прозападной оппозиции президентские выборы 1994 г. закончились полным провалом – З.С. Позняк и С.С. Шушкевич выбыли в первом туре, в совокупности набрав около 20% голосов. При этом наибольшую поддержку они получили в Минске (уровень поддержки Лукашенко в столице, напротив, оказался самым низким), что сыграет свою роль в последующих событиях.

Практически с первых дней президентства А.Г. Лукашенко продемонстрировал принципиально новый политический стиль и начал работать над укреплением доминирующих позиций президентской власти в белорусской политической системе. Это вызвало противодействие со стороны Верховного Совета, который при помощи Конституционного суда оспаривал и отменял многие из издаваемых президентом указов.

14 мая 1995 г. по инициативе А.Г. Лукашенко был проведён референдум, на котором была изменена государственная символика, а русский язык получил статус государственного наравне с белорусским. Кроме того, на референдуме был поддержан курс на интеграцию с Россией, а президент получил право распускать Верховный Совет.

Референдум стал сильным ходом со стороны А.Г. Лукашенко, позволившим консолидировать социальную поддержку пре-

зидента и его политики. Лукашенко нанёс мощный удар по националистическому курсу предыдущего периода, фактически свернув принудительную белорусизацию, а также убрав раздражавшие значительную часть общества символы, ассоциировавшиеся с БНФ и белорусскими коллаборационистами времён Великой Отечественной войны. Кроме того, президент продемонстрировал, что в состоянии выполнять свои предвыборные обещания, что также способствовало укреплению его авторитета.

Напротив, авторитет Верховного Совета, где всё ещё сохранялась влиятельная фракция националистов, громко протестовавших против результатов референдума 1995 г., продолжал снижаться.

На осенних выборах 1995 г. в Верховный Совет 13 созыва из-за низкой явки удалось избрать лишь 119 депутатов из 260, и из-за отсутствия кворума пришлось проводить довыборы. Низкий интерес избирателей к парламентским выборам стал ярким свидетельством общего падения авторитета законодательной ветви власти в глазах белорусского общества.

Выборы в Верховный Совет 13 созыва стали очередным ударом по националистической оппозиции: в новый состав парламента не прошёл ни один кандидат от БНФ. Доминирующими стали партии левого и левоцентристского толка – Партия коммунистов Белорусская (44 депутата), Аграрная партия (34 депутата), Партия народного согласия (8 депутатов). Из оппозиционных партий восемь депутатских мест получила Объединённая гражданская партия (либеральная оппозиция) и два – Белорусская социал-демократическая громада (партия, идеология которой сочетает элементы социал-демократии и белорусского национализма). Кроме того, один депутат представлял Либерально-демократическую партию. Чуть менее половины депутатов нового состава Верховного Совета были беспартийными, что указывало на общую слабость партийной системы Белоруссии.

Несмотря на уход из белорусского парламента основной оппозиционной партии, противостояние Верховного Совета и президента продолжилось. Более того, выпадение БНФ из парламентской обоймы способствовало его дальнейшей радикализации и переходу к методам уличной борьбы. К осени 1996 г. сфор-

мировалась широкая фронда политическому курсу А.Г. Лукашенко, идеологический тон в которой задавали белорусские националисты.

Политическая эволюция Белоруссии после 1996 г. довольно сильно отличалась от эволюции других республик западного пояса бывшего СССР, где утвердились достаточно однотипные плюралистические режимы прозападного националистического толка. В Белоруссии, напротив, сложился персоналистский режим, больше напоминающий государства Центральной Азии или Азербайджан и имеющий очень сложные отношения с Западом.

Для разрешения назревшего политического кризиса А.Г. Лукашенко инициировал проведение нового референдума по внесению поправок в конституцию. Предложенный им проект предусматривал существенное расширение полномочий президента. В противовес этому Верховный Совет выдвинул альтернативный проект, предполагавший упразднение президентского поста, как было до 1994 г.

Референдум состоялся 24 ноября 1996 г. Его подготовка и проведение сопровождалось обострением гражданского противостояния и массовыми акциями оппозиции, мобилизовавшей сторонников в белорусской столице. Но это противостояние завершилось победой А.Г. Лукашенко и принятием предложенного им проекта поправок в конституцию. Несмотря на то что новый текст основного закона считался лишь редакцией конституции, принятой в 1994 г., по сути, это был принципиально новый документ.

Президент Беларуси получил право формировать вертикаль республиканской исполнительной власти и назначать глав районов, городов и областей, членов Центральной избирательной комиссии, судей, генерального прокурора, председателя Национального банка. Ещё одной прерогативой президента стало право издавать декреты, имеющие силу закона. Однопалатный Верховный Совет был распущен и заменён двухпалатным Национальным собранием, возможности которого в новой конфигурации власти оказались значительно ограничены. Следствием снижения роли законодательного и представительного органа в политической системе Белоруссии стало падение значения по-

литических партий. Как было показано выше, в первые годы независимости партийная система республики характеризовалась незрелостью и неустойчивостью. Стабильной системы партийного представительства и формирования партиями органов власти создать так и не удалось.

В новых реалиях, когда основные властные полномочия оказались сконцентрированы в руках президента, стимулы для развития партийной системы окончательно исчезли. Этому способствовало и то, что большинство оппозиционных партий, не признавших политическую реформу 1996 г., фактически отказались от участия и борьбы за власть в рамках выстраиваемой А.Г. Лукашенко системы. Сам же Лукашенко тяготел к персоналистской модели управления и не стимулировал развитие партии (или партий) власти.

В результате политическая система Белоруссии, сложившаяся по итогам конституционной реформы 1996 г., по-своему уникальна для постсоветского пространства и характеризуется крайне низкой ролью политических партий. Во всех созывах нижней палаты (палаты представителей) Национального собрания количество выдвинутых от политических партий колебалось в районе 20 из 110 депутатов. Система исполнительной власти, замкнутая на президента, также формируется на внепартийной основе.

Референдум 1996 г. завершил формирование в Белоруссии персоналистской президентской республики, замкнутой на фигуру А.Г. Лукашенко. Финальным штрихом стал референдум 2004 г., снявший ограничения на количество сроков для избрания одного и того же лица на пост президента, что сделало возможным для А.Г. Лукашенко оставаться у власти после 2006 г., когда истекал его второй президентский срок.

Формирование модели президентской республики имело не только внутри-, но и внешнеполитические последствия, определившие уникальность положения Белоруссии среди республик западного пояса бывшего СССР.

Созданная А.Г. Лукашенко модель власти со сниженной ролью политических партий и общественных организаций оказалась весьма устойчивой к манипуляциям извне, что затрудня-

ло разрастание западной сети влияния, как это происходило на Украине, в Молдавии или Грузии. Это, в свою очередь, осложнило отношения А.Г. Лукашенко с Западом, где события 1996 г. были интерпретированы как «установление диктатуры», а сам белорусский президент приобрёл репутацию «последнего диктатора Европы». Как следствие, возможности политического маневрирования А.Г. Лукашенко на западном направлении оказались существенно ограниченными.

Более того, в условиях конфронтации с Западом сама выживаемость созданного А.Г. Лукашенко политического режима во многом зависела от тесных связей с РФ. А.Г. Лукашенко изначально шёл к власти как сторонник интеграции с Россией, однако его личный конфликт с Западом стал не менее важным фактором того, что Белоруссия на протяжении всего постсоветского периода оставалась республикой, наиболее тесно связанной с РФ.

В то же время отношения с Россией оставались достаточно неоднозначными на протяжении 2000–2010-х гг., что обуславливало постепенную трансформацию созданной А.Г. Лукашенко политической системы и её новый дрейф к национализму, пусть и в существенно смягчённом виде по сравнению с периодом 1991–1994 гг. Особенно заметными эти тенденции были в конце 2000-х и в 2010-х гг., когда стал очевиден кризис Союзного государства, и во внешней политике официального Минска всё более отчётливо проявлялись тенденции многовекторности (подробнее см. главу 5).

Внутри Белоруссии в этот период также консолидировались группы, ориентированные на более прозападный и националистический курс – ИТ-сектор и прочий связанный с Западом бизнес, новое поколение творческой элиты и журналистов, где националистические настроения традиционно были особенно сильны. С развитием Интернета именно эта среда сформировала сеть новых влиятельных СМИ (таких как ныне закрытый и признанный экстремистским портал *tut.by*, вещает из-за рубежа под новым названием «Зеркало»), которые оказывали сильное влияние на общественное мнение. Наконец, в рамках многовекторного внешнеполитического курса происходила относительная либерализация и внутренней политики, благодаря чему в респуб-

лику проникали западные неправительственные организации, быстро вошедшие в синергию с местным националистическим «гражданским обществом». Закономерным итогом этих процессов стали события 2020 г., очень напоминавшие «оранжевую революцию» на Украине, где курируемое западными сетями влияния националистическое «гражданское общество» свергло режим Л.Д. Кучмы, заменив его более радикальным, прозападным и антироссийским. Провал этого сценария в Белоруссии был обусловлен тем, что здесь отсутствовали конкурирующие олигархические группировки, заинтересованные в перевороте, а государство сохранило полный контроль над силовым аппаратом.

События 2020 г. стали следствием накопившихся кризисных тенденций в политической модели, выстроенной А.Г. Лукашенко за 25 лет нахождения у власти. В первую очередь, это идеологический кризис. Лукашенко шёл к власти как противник белорусского национализма, но в итоге так и не смог предложить альтернативную идеологию государственного строительства и был вынужден использовать националистические наработки, а также прибегать к услугам «системных националистов», которые продолжали доминировать в учреждениях культуры и образования. В результате во второй половине 2010-х гг. случился «националистический ренессанс», в который оказалась вовлечена политически активная молодёжь и городской средний класс. При этом сделать белорусский национализм системным и лояльным действующей власти, на что, очевидно, делался расчёт, также не получилось – он остался идеологией «демократизации» и «разворота на Запад», глубинно оппозиционной созданному А.Г. Лукашенко режиму.

Новое поколение белорусских граждан, выросшее в атмосфере «националистического ренессанса» 2010-х гг. и не заставшее эпоху до Лукашенко (1991–1994 гг.), всё чаще было склонно романтизировать те времена как «эпоху свободы и упущенных возможностей». Поэтому неудивительно, что основной идеологией протеста 2020 г. стал именно белорусский национализм, а основным символом – бело-красно-белый флаг, отвергнутый на референдуме 1995 г.

Другим аспектом событий 2020 г. стал кризис персоналист-

ской власти, положенной в основу белорусской политической системы. Её критическая зависимость от фигуры действующего главы государства стала очевидной практически сразу после конституционной реформы 1996 г. С этого момента политическое поле республики структурировалось практически исключительно по принципу притяжения/отталкивания фигуры А.Г. Лукашенко. Более того, становилось понятным, что само по себе отстранение действующего президента от власти будет означать фактически революцию и крушение всего сложившегося политического порядка. Именно поэтому практически все президентские выборы (2001, 2006, 2010, 2020 гг., исключением стали выборы 2015 г.) приобретали особую остроту и драматизм, а противостояние Лукашенко и оппозиционных кандидатов – характер едва ли не экзистенциального выбора.

Персоналистский тип власти в сочетании со слабостью именно институциональной поддержки лидера (например, в лице правящей партии) делал особенно острой проблему сохранения преемственности курса в эпоху «после Лукашенко». Эта проблема начала явственно ощущаться после 2015 г., когда А.Г. Лукашенко вступил в пятый президентский срок. К этому времени уже закономерно вставал вопрос о предстоящем на временном горизонте 10–15 лет транзите власти и перестройке всей политической системы. При этом было ясно, что власть А.Г. Лукашенко как сильного лидера, во многом основанная на персональной харизме, должна была уступить место более институционализированной системе сдержек и противовесов.

Подготовка к конституционной реформе и политическому транзиту началась в период пятого президентского срока А.Г. Лукашенко (2015–2020 гг.). В 2018 г. в Минске много обсуждали новую конституционную реформу, которая должна была заложить основы для управляемого транзита власти. Спокойный внешнеполитический фон и негласная поддержка Западом многовекторного курса, который в тот период проводил официальный Минск, благоприятствовали такому сценарию. По всей видимости, тогда реформа не состоялась из-за «бархатной революции» в Армении, которая была расценена как нежелательный прецедент.

В ходе президентской кампании 2020 г. тему конституционной реформы поднимали все основные оппоненты А.Г. Лукашенко, включая В. Бабарико и С. Тихановскую. Бабарико предлагал вернуться к первой редакции белорусской конституции 1994 г. и планировал сделать борьбу за конституционную реформу основой деятельности оппозиции на послевыборный период в случае проигрыша.

Тихановская изначально позиционировала себя как временного кандидата, который в случае победы проведёт конституционную реформу и досрочно покинет свой пост. Впрочем, и она предлагала начать с «чистого листа», то есть вернуться к конституции 15 марта 1994 г., игнорируя референдум 14 мая 1995 г. Каких-либо оснований для подобных действий представители оппозиции не приводили.

Таким образом, к 2020 г. необходимость конституционной реформы стала очевидной и для власти, и для оппозиции. Если для правящей группы, консолидированной вокруг А.Г. Лукашенко, основной задачей было сохранение существующей системы в условиях неизбежного завершения персоналистского правления, то оппозиция в предвыборной кампании сделала ставку на критику существующего конституционного устройства. Основным объектом первоначально была сверхцентрализация власти в руках президента и его несменяемость. Но в дальнейшем нападкам подверглись абсолютно все элементы экономической, социальной и политической модели Беларуси.

События 2020 г. стали точкой бифуркации для белорусской политической системы. В случае победы оппозиции конституционная реформа стала бы неизбежным элементом процесса передела власти и собственности, а также демонтажа действующего режима. Но на практике реализовался другой сценарий. В результате конституционная реформа, инициированная сторонниками А.Г. Лукашенко, была направлена на поддержание, сохранение, совершенствование существующей системы и подготовку к управляемому транзиту власти.

27 февраля 2022 г., после завершения активной фазы протестов и разгрома несистемной националистической оппозиции, состоялся очередной, уже четвёртый в истории независимой Бе

лоруссии референдум по изменению конституции. Основное новшество принятой на референдуме редакции (вступила в силу 15 марта 2022 г.) – введение в систему власти нового конституционного органа – Всебелорусского народного собрания (ВНС), которому посвящён отдельный раздел.

До 2022 г. ВНС носило символический характер и не имело конституционно закреплённого статуса. Первое ВНС состоялось в 1996 г. и представляло собой неформальный съезд сторонников А.Г. Лукашенко. Мероприятие было организовано в контексте противостояния президента и Верховного Совета с целью продемонстрировать широкую народную поддержку белорусского лидера. Впоследствии ВНС проводились с периодичностью раз в 5 лет, обычно на излёте президентского срока. На них А.Г. Лукашенко отчитывался о проделанной работе, определялись планы на следующие 5 лет. Делегатами ВНС всегда были лояльные власти люди, а механизм их выбора оставался непрозрачным. Всего к настоящему времени проведено шесть ВНС: в 1996, 2001, 2006, 2010, 2016 и 2021 гг.

В обновлённой редакции конституции ВНС характеризуется как «высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие». Любопытно, что в качестве представительного органа ВНС оказывается, по сути, выше парламента – Национального собрания, которое характеризуется как просто «представительный и законодательный орган Республики Беларусь». Численность ВНС составляет до 1200 человек, туда входят президент, представители всех ветвей власти, местных советов депутатов, гражданского общества (это понятие не уточняется). Членство в ВНС также предусмотрено для прекратившего свои полномочия президента. Созываться ВНС будет раз в год (хотя возможны и внеочередные собрания), однако у него имеется постоянно действующий президиум во главе с председателем.

Новый орган получит весьма широкие полномочия. ВНС утверждает основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину и концепцию национальной безопасно-

сти, а также решает вопросы об отправке военнослужащих за пределы Беларуси, введения военного и чрезвычайного положения. ВНС получит право смещать президента и решать вопрос о легитимности выборов. Помимо этого, ВНС назначает судей и членов Центральной избирательной комиссии. Ранее эти функции принадлежали президенту. Решения ВНС будут носить обязательный характер и «могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов». Механизм избрания ВНС в тексте конституции не прописан, его определил отдельный закон (вступил в силу 7 февраля 2023 г.).

С появлением ВНС полномочия президента значительно сократятся. Он утратит право издавать декреты, имеющие силу закона, не сможет самостоятельно назначать судей и членов ЦИК. Кроме того, право ВНС решать вопрос о смещении президента с должности в случае тех или иных нарушений также ставит главу государства в зависимость от нового органа. Время пребывания одного и того же человека на посту президента будет ограничено двумя 5-летними сроками. В предыдущей редакции белорусской конституции ограничения по срокам нет (отменено в 2004 г.), и это также может рассматриваться как определённое ослабление позиций президента в системе власти. Для кандидатов на должность президента будет повышен возрастной ценз с 35 до 40 лет, а также установлены достаточно жёсткие ограничения: они должны постоянно проживать на территории Белоруссии не менее 20 лет непосредственно перед выборами (в предыдущей редакции конституции – 10 лет), а также не иметь гражданства, вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и иные преимущества (в прошлой версии конституции таких оговорок нет).

Много внимания в новой редакции уделяется гарантиям и иммунитету для бывшего президента, который станет фигурой неприкосновенной и получит пожизненное членство в Совете Республики (верхняя палата белорусского парламента) и ВНС. Появление этих норм косвенно указывает на то, что предложенный проект конституции – элемент подготовки к транзиту вла-

сти. Таким образом, в соответствии с предлагаемыми изменениями, власть президента окажется серьезно ограниченной по сравнению с вариантом конституции 1996–2022 гг.

Из этого можно сделать вывод, что политическая система республики дрейфует от персоналистской, основанной на власти харизматического лидера, к институциональной, предусматривающей баланс ветвей власти, ни одна из которых не имеет абсолютного преобладания. Однако, в отличие от классических западных демократий, где противовесом президентской власти выступает парламент, в Беларуси в этом качестве должен выступить принципиально новый орган – Всебелорусское народное собрание. Очевидно, связано это с общей слабостью парламентаризма и неразвитостью партийной системы – основными отличительными чертами белорусской политической системы при А.Г. Лукашенко.

Впрочем, роль партий в обновлённой политической системе Белоруссии также может возрасти, во всяком случае, на это может указывать преобразование Республиканского общественно-го объединения «Белая Русь» в партию (учредительный съезд состоялся 18 марта 2023 г.), которая открыто претендует на роль партии власти и заявляет о себе как о партии сторонников А.Г. Лукашенко. В 2023 г. была осуществлена процедура перерегистрации партий, в результате которой из 15 партий осталось только 4: «Белая Русь», Коммунистическая партия Беларуси, Либерально-демократическая партия Беларуси, Республиканская партия труда и справедливости. Верховный суд Беларуси в августе 2023 г. ликвидировал «Республиканскую партию» и «Социал-демократическую партию Народного согласия». Ранее были ликвидированы Белорусская социал-демократическая громада и белорусская партия «Зелёные». Процесс сокращения количества партий, лишённых социальной базы и явно выраженных программных ориентиров, следует признать закономерным.

Обновлённая политическая система, основанная на новой редакции конституции, заработала после единого дня голосования на парламентских и местных выборах в Беларуси, которые прошли 25 февраля 2024 г., а также после первого заседания ВНС в качестве конституционного органа, которое состоялось

в апреле того же года.

Основным итогом первого заседания ВНС стало то, что А.Г. Лукашенко совместил позиции президента и председателя ВНС, сохранив фактическую полноту власти в республике. В условиях роста геополитической напряжённости по периметру белорусских границ сохранение персоналистской модели, зарекомендовавшей себя в предыдущие десятилетия, представляется правильным решением, а вопрос политического транзита, таким образом, откладывается как минимум до 2030 г.

В заключение следует отметить, что в условиях идущей на Украине специальной военной операции и общего роста геополитической напряжённости вокруг Белоруссии тема политической реформы отошла на второй план. Более того, в этих непростых обстоятельствах стали наглядными преимущества сильной централизованной власти, основанной на харизматичном лидерстве. Очевидно, внешнеполитический контекст будет оказывать своё влияние и на дальнейший ход политической реформы в Белоруссии.

Интеграционные предпочтения значительной части политического класса Беларуси постепенно географически локализовались с направлением «на Запад», однако логика экономической интеграции неумолимо вела «на Восток». Доминировавшие до 9 августа центристские элиты балансировали, возможно, вынужденно, между интеграционными векторами, обеспечивая в СМИ концепцию многовекторности. Эта модель могла работать при двух условиях: отсутствии системных проблем в европейском интеграционном проекте и ситуации, когда европейские элиты, публично не одобряя политику Беларуси, воздерживаются тем не менее от активной деятельности в направлении свержения власти в Беларуси¹⁷.

Приложение

Основные этапы развития

политической системы Белоруссии

Этап 1. 1991–1994 гг. – парламентская республика. Двоевластие Верховного Совета и Совета Министров.

Этап 2. 1994–1996 гг. – принятие новой конституции, уч-

¹⁷ Межевич Н.М. Беларусь: политические и экономические предпосылки ...

реждение поста президента; нарастание противоречий между президентом и Верховным Советом, вылившееся в острый политический кризис (осень 1996 г.).

Этап 3. 1996–2020 гг. – суперпрезидентская республика, концентрация власти в руках президента на фоне слабого парламента и неразвитой партийной системы.

Этап 4. 2020 г.– настоящее время – некоторые проявления кризиса суперпрезидентской модели; неудачная попытка «цветной революции» и стабилизация; конституционная реформа, предусматривающая перераспределение власти между президентом и Всебелорусским народным собранием; стабилизация ситуации в политике и экономике.

ГЛАВА 3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ

Авторы исходят из того, что национальная экономика – это народное хозяйство конкретной страны, сформированное на основе как исторических, географических, так и собственно экономических предпосылок. «Существует серьёзная опасность, подстерегающая исследователя современного экономического роста, увлечься картиной сходных изменений, через которые проходят столь различные по культурным традициям общества, попытаться выстроить жёсткую, обязательную для всех стран траекторию развития»¹⁸.

Национальная экономика, с одной стороны, функционирует под управлением национального государства и национального бизнеса. С другой – любая экономика, даже КНДР, существует в глобальном контексте. С нашей точки зрения, национальная экономика может быть как классической рыночной, так и кейнсианской и традиционно-плановой. В любом случае национальная специфика может сделать каждую экономическую модель как более, так и менее эффективной. «Либеральная рыночная экономика может обеспечить такой же уровень экономической эффективности, как и координируемая рыночная экономика, но достигается это ... различными путями. В либеральной рыноч-

¹⁸ Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста // Вопросы экономики. 1996. №12. С. 23.

ной экономике при решении координационных проблем фирмы в большей степени полагаются на рыночные связи, чем фирмы в управляемой рыночной экономике, чаще прибегающие к нерыночным формам координации, чем к сотрудничеству и стратегическому взаимодействию»¹⁹.

Иными словами, национальная экономическая модель существует только в тех странах, где не все, но ключевые экономические решения принимаются с позиций государственной целесообразности и носят суверенный характер. Разумеется, этот критерий не единственный. Очень значимы исторические, географические, этнические характеристики²⁰. Ещё один важный момент: национальная модель – это не более чем схема, полноценной картины экономики страны она не даёт. «Экономические модели представляют собой упрощённое описание действительности, призванное сформулировать поддающиеся проверке гипотезы. Существенным свойством экономической модели является неизбежная субъективность её построения ввиду отсутствия объективных показателей экономических результатов. Экономисты могут иметь разные представления о том, что требуется для объяснения их интерпретации действительности»²¹.

Национальная экономическая модель – это формализованное описание ключевых принципов развития государства. Основу любой современной государственной политики страны составляет не вообще рыночная экономика, а её национальная модель. «Экономическая модель развития является неотъемлемой частью понимания, с одной стороны, исторического становления страны, а с другой – служит предопределяющим фактором для характеристики экономических перспектив дальнейшего развития»²².

¹⁹ Лацоник У. Разновидности капитализма, рыночных сил и инновационного предпринимательства // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6, №3. С. 11.

²⁰ Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки / отв. ред. А.С. Аникеев. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. 288 с.

²¹ Улиарис С. Что такое экономические модели? Как экономисты пытаются моделировать действительность // Финансы и развитие. Июнь 2011. С. 46.

²² Максимцев И.А., Межевич Н.М., Королёва А.В. Экономическое развитие

В рамках междисциплинарного подхода понятие «национальная экономика» подразумевает географические условия, в т.ч. природно-ресурсный потенциал; «...объективными предпосылками выступают уровень развития и характер национальных производительных сил; специфические “неэкономические” факторы (природно-климатический, географический, геополитический, социокультурный и др.); жизненно необходимые (а поэтому объективные) цели национального развития...»²³.

Сторонники традиционных экономических научных парадигм достаточно сдержанно относились к попыткам экономического анализа неэкономических факторов общественного развития. Внимательное изучение марксистской политэкономии позволяет сделать вывод, что его основатели не отвергали учёт страновой специфики. Это следует из вывода о том, что социалистическая революция и диктатура пролетариата в одних странах (Пруссии) возможна, а в других (Россия) маловероятна. Вместе с тем само жёсткое целеполагание марксизма, указание на приоритет производственных отношений не способствовало развитию учёта национальной специфики.

Опыт исследования национальных моделей показывает, что наличие достаточно схожих финансово-экономических показателей не является залогом схожих результатов в рамках успешного экономического развития. Представления о разнообразии рыночных моделей изначально основывались на ключевых экономических характеристиках: доля валового внутреннего продукта, перераспределяемого через государственный бюджет, соотношение долей частной и государственной собственности, специфика механизмов регулирования, осуществляемых как государством, так и рыночными институтами²⁴.

Не менее важны оценки собственно экономического потен-

государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №1. С. 60.

²³ Кульков В.М. Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России // Экономическое возрождение России. 2014. №3. С. 24.

²⁴ Межевич Н.М., Сенюк Н.М. Белоруссия, Прибалтика, Украина: модели позиционирования в меняющемся мире // Мир перемен. 2022. №4. С. 73-85; Межевич Н.М. Литва и Беларусь между Сциллой и Харибдой национальных моделей постсоветского транзита // Международная жизнь. 2023. №2. С. 54-63.

циала страны и её социального капитала, традиций и национальной психологии, региональной истории. Если не учитывать всё это, теоретическая конструкция оказывается оторванной от реальности, специфики национальной экономики. Исследователи привыкли мыслить глобально или в рамках регионов, анализируя основные макроэкономические показатели. Этот подход достаточно корректен и позволяет выстраивать теоретические модели. Однако с точки зрения зарубежного регионоведения правильнее сосредоточить внимание на национальной специфике. «Всё реже встречаются исследования национальных деталей, а ведь дьявол кроется именно в них»²⁵. Случай белорусской экономики, особенно с позиций западных исследователей, изначально работающих по абстрактным усреднённым рецептам, именно такой. Особенностей организации белорусской экономики достаточно для того, чтобы считать её оригинальной как минимум в масштабе постсоветского пространства.

Белорусская модель изначально была основана на тезисе о том, что экономическое наследие СССР – основа для народного хозяйства страны. Это признавалось даже до победы А.Г. Лукашенко на первых президентских выборах. Значительная часть оппозиции в лице БНФ фактически выступала за построение социально справедливого общества, но на базе либеральной версии рыночной экономики. То, что это невозможно на практике и противоречит теории, ещё не было очевидно.

Молодой политик А.Г. Лукашенко стал лидером нового поколения, заложившего основы белорусской модели в экономике и политике. «Первая отличительная черта белорусской модели “политического капитализма” (по терминологии Бранко Миловича, бывшего ведущего экономиста Всемирного банка) – эффективная сильная (иногда говорят авторитарная) власть президента, обеспечивающая социальную справедливость»²⁶. Впрочем, и белорусскими экономистами предложено классифицировать политическую и экономическую систему, которая развивалась в Бе-

²⁵ Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты. Сб. ст. / под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Институт экономики РАН, 2016. С. 11.

²⁶ Господарик Е., Ковалёв М. Эволюционные изменения в белорусской модели экономического развития в VI пятилетке // Беларуская думка. 2021. №6. С. 51.

ларуси, как «государственный капитализм». Такая классификация указывает на отличия от советской плановой системы и на значительную роль, которую государство играет в экономике²⁷.

Коммунисты Беларуси пытались при сохранении экономических форм СССР сберечь идеологическое наследие, что опять же было невозможно. Будущий президент страны А.Г. Лукашенко провёл свою первую избирательную кампанию, предлагая сохранить экономическую основу БССР и хозяйственные связи с Россией, при этом коммунистическую или какую-то иную идеологию не рассматривая как приоритетную ценность. В последнее десятилетие белорусская экономическая система страивалась на основе того, что часть либеральных экспертов на Западе уже признали частичный провал реформ в Восточной Европе. С точки зрения авторов, в Беларуси это поняли существенно раньше, чем в России. Сегодня, в РФ этот вывод, скорее, уже является нормой, чем исключением²⁸.

Важно позиционировать экономические реформы в Беларуси в контексте трансформации мировой экономики, экономик восточноевропейских и западных постсоветских государств. Тезис о том, что именно следование стратегии либеральных реформ позволило достигнуть впечатляющих результатов в ряде развивающихся стран и стран Центральной и Восточной Европы²⁹ продвигался в прошлом с иррациональной настойчивостью. Однако он ушёл в историю в середине прошлого десятилетия. «Предварительные соглашения о членстве в ЕС привели к необходимости внедрения ряда реформ, представлявших собой, скорее, банальное урезание программ социального обеспечения, потребовавших от граждан больших жертв ради умиротворения сторонников рынка. Немногие даже среди западноевропейских стран могли бы выдержать такие изменения столь же

²⁷ Добрински Р. и др. Белорусская экономика: вызовы застопорившихся реформ // The Vienna Institute for International Economic Studies. Аналитический доклад №413. Ноябрь 2016. С. 6.

²⁸ Постсоветские страны в процессах международной регионализации в 2010–2020 гг.: ожидания, итоги, новые тенденции: Коллективный научный доклад / под ред. Л.Б. Вардомского. М.: Институт экономики РАН, 2021. 70 с.

²⁹ Schneider B.R., Heredia B. (ed.) (2005). *Reinventing Leviathan: The Politics of Administrative Reform in Developing Countries*. North-South Center Press at the University of Miami.

мирно, как пережили их “восточные европейцы”. Сегодня Центральная Европа очень остро чувствует, что регион вновь очутился на периферии, непонятый и отвергнутый, обременённый и брошенный двуличным Западом»³⁰.

Поразительно, но своеобразный итог подвели в оплоте либеральной теории в России – центре Карнеги³¹: «Экономическая модель Восточной Европы изначально подразумевает, что уровень жизни там должен оставаться примерно в два раза ниже, чем в развитых странах. Без этого она теряет свою привлекательность. А если во время циклического подъёма их всё-таки выносит выше, то потом неизбежно наступает кризис, застой и откат назад, потому что они не могут вернуться к росту, пока не восстановят своё отставание»³².

Статистические данные по Восточной Европе свидетельствуют о том, что знаменитые тезисы Дж. Хеллмана относительно связи ВВП с масштабом реформ не работают³³ в этом регионе и, разумеется, в Белоруссии. В Минске исходили из того, что реформа с точки зрения управленческого содержания должна воздействовать на экономическую систему так, чтобы не сокращать уровень благосостояния, накопленный до назревания необходимости реформирования, а наращивать этот уровень. Прибалтийский опыт 1992–1994 гг. показал, что распродажа советского наследия (первый этап) и даже использование европейских фондов (второй этап) в минимальной степени отразились на уровне жизни населения, дав очевидные преимущества лишь избранным, имеющим возможность получения политической и управленческой ренты.

Современные модели социально-экономических процессов в разных странах формировались под влиянием соответствующих объективных и субъективных факторов развития общества. В случае Республики Беларусь первичным был поиск рациональ-

³⁰ Йенсен Дж. Социально-экономические модели стран Центральной Европы: перезагрузка // Современная Европа. 2018. №7. С. 30-31.

³¹ Прекратил свою работу в России с апреля 2022 г.

³² Саморуков М. Наследство соцлагеря. Почему Восточная Европа обречена жить вдвое беднее немцев // Московский центр Карнеги, 27.10.2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64958> (дата обращения 28.11.2017).

³³ Hellman J.S. Winners Take All // World Politics, 1998. №50.

ных экономических практик, а уже затем была найдена подходящая для объяснения экономическая модель.

«Несмотря на советский образ белорусской экономики, экономическая модель Беларуси всё же рыночная, но со своей спецификой – с большой долей госсектора и элементами командного администрирования»³⁴. Очень важно знать, кто дал такое определение. Как ни странно, это тезис политических противников А.Г. Лукашенко. Белорусская модель национальной экономики является страновой разновидностью рыночной экономической модели, однако и это не определяющий критерий национальной экономической модели. Учитывается величина ВВП, перераспределяемого через государственный бюджет; соотношение частной и государственной собственности, а также структура данных секторов; набор механизмов регулирования, осуществляемых как государством, так и рыночными институтами.

Как и в странах Прибалтики, белорусские экономисты-либералы не придумали ничего нового и интерпретируют либеральные подходы к управлению с определённым лагом и упрощением в стиле «дворянская архитектура для бедных». Впрочем, общие принципы либеральных реформ были очевидны. Разумеется, в начале экономического реформирования развёртывается тотальная приватизация, банкротство неконкурентоспособных предприятий, т.е., по мнению самих либеральных экспертов, практически всех крупных и средних предприятий, включая НПЗ и «Беларуськалий». Сюда же следует отнести отказ от адресной социальной поддержки высвобождаемых трудовых ресурсов, т.к. безработица достигнет не менее 30% от объёма рынка труда, и средств на эту поддержку просто не будет.

Вышеизложенное сопровождается либерализацией цен, сокращением бюджета, разрушением налоговой базы и утратой контроля за бюджетным дефицитом. Белорусская оппозиция предполагала сочетать реформы с созданием режима особого благоприятствования для иностранных инвесторов. Именно им, а не отечественным производителям, была бы обеспечена защита

³⁴ Астапеня Р., Мацукевич П. Деградация внешней политики Беларуси и способы исправления ситуации // Аналитический документ. Фонд Ф. Эберта. Декабрь 2022. С. 9.

прав собственности и комплекс мер по оптимизации государственного управления под их задачи и интересы.

Особо значима такая сфера трансформационных процессов как «случайное» или сознательное построение олигархического капитализма. «Белоруссия, будучи небольшим и внутренне достаточно однородным государством, не породила системы региональных олигархических групп, как на Украине. Украинский олигарх в экономическом измерении ничем не отличался от российского. Белорусский “олигарх” в понимании его российского коллеги – не более чем очень богатый человек. А.Г. Лукашенко сформировал сильную централизованную персоналистскую систему власти с жёстким контролем не только над силовыми структурами, но и над местными “олигархами”. В России олигархи пытались диктовать свою волю государству, но это уже история. На Украине олигархи сохраняют свои позиции даже в условиях СВО. А в Беларуси “олигарх” – это человек, которому власть разрешила быть “олигархом”»³⁵.

Следует отметить, что логика белорусских реформаторов очень напоминает подход российских либералов 1992 г., однако продвигается в другое время, в других условиях, на фоне очевидных достижений России, Казахстана, Азербайджана и, что самое главное, самой Беларуси. Белорусский экономист, в прошлом глава «Центра Мизеса», Ярослав Романчук по этому поводу писал: «Безработица может быть признаком выздоровления, начала процесса лечения экономики. Лукашенко требует сохранить нынешние трудовые коллективы на промышленных предприятиях и одновременно увеличить производительность труда, повысить эффективность инвестиций и перейти на новейшие технологии»³⁶. Белорусская версия либеральной экспертной мысли основана на том, что главная проблема – это «... устаревшая модель развития Беларуси, основанная на преобладании госсобственности и ресурсной поддержке России»³⁷. На самом деле

³⁵ Межевич Н.М., Шимов В.В. Почему Беларусь не Украина? // Аналитические записки ИЕ РАН. 2022. №24. С. 20.

³⁶ Романчук Я. Нетрудовые ресурсы. Безработица как признак выздоровления // БелГазета, 11.05.2015. URL: https://www.belgazeta.by/ru/996/topic_week/31026/ (дата обращения 20.06.2024).

³⁷ Лавникевич Д. Дежавю по-белорусски // Белорусская деловая газета, 19.05.

именно эта модель способствовала процветанию страны.

Решением проблемы повышения конкурентоспособности в Беларуси стало постепенное движение к высокоэффективной индустриально-аграрной экономике с адекватным развитием сферы сервиса. Только этот путь предполагает отказ от жёстких и непопулярных реформ, шоковой терапии.

В Беларуси не абстрактные теоретические концепции реализовались в модели развития национальной экономики и в значительной степени определили структуру хозяйства страны, а экономические практики, используемые на протяжении десятилетий, которые дают нам основания позиционировать белорусскую модель как социально-рыночную экономику.

Разумеется, помогли бы стартовые внешние инвестиции, но для Беларуси их не было найдено. «Для разрыва кругов бедности требовались “инвестиции рывка”, однако подобных ресурсов по объёму и качеству, обычно не удаётся мобилизовать»³⁸. Строго говоря, и у России адекватных по форме и объёму инвестиций не было, да и весь российский опыт 1990-х гг. не вызывал в Минске желания его заимствовать. Либеральные экономисты постепенно пришли к пониманию результатов реформ. «Из советской реальности стагнации и медленного погружения в кризис Россия была брошена в хаотический и глубоко разрушительный “дикий” капитализм, который продлился почти десять лет и принёс с собой гиперинфляцию, гипердепрессию, финансовый коллапс, обнищание населения и демографический кризис»³⁹.

Остановимся и на проблеме деиндустриализации. Существует деиндустриализация, вызванная изначально высоким технологическим уровнем производства и сводимая к сокращению доли производства в общем объёме производимого в стране продукта за счёт роста доли сервисных услуг в ВВП. Например, Польша сохранила свой достаточно высокий индустриальный

2015. URL: <http://bdg.by/news/authors/dezhavyu-po-belorusski> (дата обращения 20.06.2024).

³⁸ Сухарев О.С. Институционально-структурные факторы экономического развития: М.: Институт экономики РАН, 2015. С. 10.

³⁹ Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 55.

потенциал, но доля промышленности в ВВП сократилась за счёт развития сферы услуг. Сегодня сложно представить, что 40 лет назад в Варшаве трудно было найти предприятие общественного питания.

Иная ситуация сложилась в Литве. Развитие сервиса и туризма там проходило на фоне деиндустриализации, примитивизации технологий, деградации сельского хозяйства, падения качества социального капитала.

Принципиально иная ситуация характеризует реформирование экономики в Беларуси. Страна пришла к необходимости во второй половине 1990-х гг. отказаться от либеральных реформ и взять в качестве базовой модель устойчивого социально-экономического развития, что предполагало построение социально-ориентированной экономики, где в центре – интересы человека. Это вызвало необходимость постепенного и поэтапного продвижения и решения крупных проблем на принципах взвешенности и целесообразности⁴⁰.

В целом же корректна точка зрения норвежского экономиста Эрика Райнерта, который считал, что богатые страны стали такими благодаря сочетанию государственного вмешательства, протекционизма и стратегических инвестиций, а не благодаря свободной торговле⁴¹. Иными словами, Восточная Европа никогда не догонит – навсегда останется «Восточной», даже если Западная Европа уже прошла период оптимальных условий развития.

Беларусь не может ориентироваться на современный европейский опыт, а для опыта «золотых европейских десятилетий» давно нет соответствующих условий. Однако «модель экономического и политического развития Беларуси – итог сбалансированной многовекторности в политике, осуществляемой с учётом конкретно-исторических условий, результат строительства социального государства с рыночной экономикой посткейнсианского типа и позитивными эффектами сотрудничества в рамках

⁴⁰ Белорусская социально-экономическая модель: теория и практика / под науч. ред. В.Г. Гусакова. Минск: Беларуская навука, 2022. С. 10.

⁴¹ Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 384 с.

Союзного государства и ЕАЭС»⁴².

Ключевые вопросы эволюции национальной экономики утверждены Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г., затем были внесены коррективы в Указе от 23 июня 2023 г. №180. Данный Указ вводит в правовое поле «Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы»⁴³.

Укажем на следующие, принципиально важные характеристики белорусской экономики.

1. Республика Беларусь – государство со средним уровнем экономического развития при высокой степени устойчивости всех макроэкономических параметров. В 2000-е гг. Беларусь показывала впечатляющие успехи в росте экономики: в 2003 г. она третьей по времени из республик бывшего СССР (после Узбекистана и Эстонии) вышла по объёму реального ВВП на уровень 1990 г.⁴⁴

В сравнении со странами, которые на рубеже 1990-х гг. находились примерно на том же уровне социально-экономического развития, ситуация в Беларуси демонстрирует стабильность при средних показателях роста (см. табл. 1).

Распределение численности занятого населения по видам деятельности, по состоянию на 2022 г., также говорит об экономической эффективности, особенно в условиях глобальной тенденции реиндустриализации: промышленность – 23,8%, ремонт автомобилей – 14,3, образование – 10,4, сельское, лесное и рыбное хозяйство – 8,6, транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность – 6,7, строительство – 6,1, информация и связь – 3,3, другие – 26,8%⁴⁵.

⁴² Межевич Н.М. Литва и Беларусь между Сциллой и Харибдой национальных моделей постсоветского транзита // Международная жизнь. Февраль 2023. С. 62.

⁴³ Указ Президента Республики Беларусь от 23 июня 2023 года №180 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь, 28.06.2023. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения 29.06.2023).

⁴⁴ Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики №18, март // Экспертный центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. С. 3.

⁴⁵ Официальный сайт Республики Беларусь. URL: <https://www.belarus.by/ru/about-belarus/key-facts/> (дата обращения 05.02.2024).

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели
Республики Беларусь в 2019–2022 гг.

	2019	2020	2021	2022
Численность населения (на конец года), тыс. чел.	9410,3	9349,6	9255,5	9200,6
Среднегодовая численность населения, занятого в экономике, тыс. чел.	4334,2	4319,6	4284,5	4215,9
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, руб.	1092,9	1254,6	1443,5	1630,91
Средний размер назначенных пенсий (на конец года), руб.	431,3	482,6	514,4	630,8
Валовой внутренний продукт, млрд руб.	134,7	149,7	176,9	191,4
Продукция сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, млрд руб.	21,7	23,6	26,1	31,8
Продукция промышленности, млрд руб.	115,7	118,4	155,9	169,6
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	28,8	29,6	31,0	27,8
Ввод в эксплуатацию жилых домов, млн м ² общей площади	4,1	4,2	4,4	4,2
Грузооборот, млрд т км	130,8	123,2	118,8	88,6
Пассажирооборот, млрд пасс. км	27,6	18,5	20,9	21,6
Розничный товарооборот, млрд руб.	49,6	53,5	60,1	67,5
Платные услуги населению, млрд руб.	12,8	12,5	15,3	17,1
Объём внешней торговли товарами и услугами, млрд долл. США	84,4	72,4	94,9	89,2
Экспорт	42,0	37,2	49,4	46,8
Импорт	42,4	35,2	45,5	42,4
Сальдо	-0,4	2,0	3,9	4,4

Источник: Беларусь в цифрах – 2023. Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2023. С. 8.

Разумеется, для Беларуси желателен выход на постиндустриальный тип развития. «Анализ научно-технологического потенциала Беларуси позволил учёным и специалистам выделить наиболее конкурентоспособные направления развития нового технологического уклада в обозримой перспективе: биотехнологии, системы и технологии искусственного интеллекта, глобальные и локальные информационные сети, телекоммуникационные системы, нанотехнологии, энергосбережение, высокоскоростные транспортные системы, рациональное природопользование»⁴⁶.

⁴⁶ Шимов В.Н. Развитие экономики Беларуси: состояние, проблемы, абрис перспективной трансформации // Белорусский экономический журнал. 2014. №2. С. 13.

Вопросы вызывает только доля населения, занятого в сельском и лесном хозяйстве. Но если ранее эти показатели считали указывающими на проблему, то сегодня их оценивают как индикатор устойчивости экономики. Сельское хозяйство играет важную роль в белорусской экономике. Доля отрасли в ВВП по итогам 2020 г. составила 6,8%. Ещё 6,6% принесли производители продуктов питания, напитков и табачных изделий, основу которых (примерно 85%) составляют перерабатывающие предприятия АПК. Таким образом, совокупный вклад сельского хозяйства и АПК в ВВП страны можно оценить в 12,4%⁴⁷.

Ещё одно направление критики экономики Беларуси со стороны либеральных экономистов: «Структура ВВП Беларуси, в которой 10% прибыли обеспечивала нефтехимическая промышленность, является подтверждением архаического характера её экономики, в которой государственная собственность составляет 70%»⁴⁸. Собственно, а почему? Например, доля концерна «Орлен» в ВВП Польши составляет 7–8%. Показатели Норвегии ещё больше, но, опять же, либеральные экономисты это не учитывают.

2. Промышленное производство формирует более четверти ВВП Беларуси (в 2021 г. – 27,1%). Наиболее развитые отрасли – производство продуктов питания и напитков, машиностроение, лёгкая промышленность, деревообработка, нефтехимическая и фармацевтическая отрасли (см. табл. 2). Этот показатель ставит Беларусь впереди Германии и Швеции. В условиях, когда деиндустриализация признана серьёзной проблемой, такие показатели – повод для гордости, а не беспокойства.

Таким образом, в отличие от стран Прибалтики, лидирующие предприятия Беларуси – это реальный сектор экономики.

3. В республике найдено оригинальное решение о статусе госсобственности и эффективности её использования. Закономерно и то, что роль государства в экономике Беларуси – глав-

⁴⁷ Сельское хозяйство – точка опоры национальной экономики и региональной политики // Экономическая газета, 19.11.2021. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/selskoe-hozjajstvo-belarusi-dostizhenija-i-problemy-otrsli/> (дата обращения 20.06.2024).

⁴⁸ Дудек А. Экономические предпосылки интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации // Республика Беларусь между Востоком и Западом. Варшава: Варшавский Университет. Институт европоведения, 2012. С. 79.

ная цель для критики либеральных экономистов (как белорусских, так и иных). На 1 января 2020 г. в частичной либо полной собственности государства находились 3275 юридических лиц, которые обеспечивали работой 1 277 тыс. человек, или 43,4% всех наёмных работников, занятых в белорусской экономике⁴⁹. Показатели Беларуси действительно отличаются от среднеевропейских бóльшим участием государства, но в текущих условиях это является достоинством, а не недостатком.

Экономическая эффективность измеряется по многим параметрам. В этой связи заместитель начальника Южного отдела Европейского департамента МВФ Питер Долман в своём выступлении в Беларуси философски заметил: «Мы стараемся понять: государственные предприятия – это точки роста или тормоз»⁵⁰. Действительно, отражённый в статистике «чистый количественный рост без повышения макроэкономической эффективности имеет вполне определённые пределы, превышение которых переводит экономику на траекторию развития по принципу «производство ради производства», при этом материальные возможности для реализации конечных социально-экономических целей общества, в частности, повышения уровня и качества жизни населения, уменьшаются»⁵¹. Этот тезис либеральные белорусские экономисты, как мы видим, в теории разделяли. В начале 2023 г. флагманские компании в госсекторе подвели результаты 2022 финансового года, который оказался для них весьма неплохим. «Чистая прибыль флагманов (крупных и средних организаций) госсектора за 2022 год составила 7,875 млрд BYN»⁵². Главный вопрос – распределение этих средств, прохо-

⁴⁹ Неожиданная статистика по белорусскому госсектору. Реформ вроде нет. Но что-то необычное там происходит // Экономическая Газета, 13.03.2020. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/neozhidannaya-statistika-po-beloruskomu-gossektoru/> (дата обращения 20.06.2020).

⁵⁰ МВФ: госсектор – главный фактор риска в белорусской экономике // Директор, 26.08.2019. URL: <https://director.by/zhurnal/arkhiv-zhurnala/arkhiv-nomerov-2019/420-7-241-iyul-2019/6940-mvf-gossektor-glavnyj-faktor-riska-v-beloruskoj-ekonomike> (дата обращения 20.06.2024).

⁵¹ Власенко М. Экономическое развитие в Беларуси: качество роста и эффективность распределения основных ресурсов // Рабочий материал Исследовательского центра ИПМ WP/18/01. URL: <https://www.research.by/webroot/delivery/files/wp2018r01.pdf> (дата обращения 20.06.2024).

⁵² Госсектор Беларуси собрал миллиардную прибыль // banki24.by, 23.02.23.

Таблица 2

20 крупнейших публичных компаний Беларуси
по объёму выручки⁵³ в млн долл. (н/д – нет данных)

№ в рейтинге	Компания	Выручка 2020 г.	Выручка 2021 г.	Прибыль 2020 г.	Прибыль 2021 г.	Сфера деятельности
1	«Мозырский НПЗ»	2734,6	н/д	134,5	н/д	Нефтехимические продукты
2	«Нафтан»	2706,1	н/д	45,1	н/д	Нефтехимические продукты
3	«Беларуськалий»	2208,6	н/д	н/д	н/д	Добыча полезных ископаемых
4	«БМЗ – управляющая компания холдинга «БМК»	1215,5	1701,7	н/д	0,02	Металлургия
5	«АСБ Беларусбанк»	1170,5	1310,3	156,1	151,7	Финансовая деятельность
6	«Савушкин продукт»	742,9	856,2	20,9	48,3	Пищевые продукты, напитки и табачные изделия
7	«МТЗ»	728,2	868,2	3,3	19,0	Машины и оборудование
8	«МАЗ» – управляющая компания холдинга «БЕЛАВТО-МАЗ»	611,9	н/д	0,1	н/д	Машины и оборудование
9	«БЕЛАЗ» – управляющая компания холдинга «БЕЛАЗ-ХОЛДИНГ»	418,3	732,5 (оценка)	18,5	н/д	Машины и оборудование
10	«Белагропромбанк»	415,6	472,5	26,9	26,6	Финансовая деятельность
11	«Белшина»	278,4	н/д	-78,7	н/д	Потребительские товары
12	«Бабушкина крынка» – управляющая компания холдинга «Могилёвская молочная компания «Бабушкина крынка»	251,8	276,0	1,3	1,8	Пищевые продукты, напитки и табачные изделия

URL: <https://banki24.by/news/5852-gossektor-belarusi-sobral-milliardnuyu> (дата обращения 20.06.2024).

⁵³ 50 крупнейших публичных компаний Беларуси по объёму выручки. 04.04.2023. URL: <https://npr.by/50-krupnejshih-publichnyh-kompanij-belarusi-pobemu-vyruchki/> (дата обращения 23.04.2023).

13	«Атлант», ЗАО	244,2	242,0	-5,5	-12,2	Потребительские товары
14	«Минский молочный завод № 1»	212,8	197,5	0,0	0,1	Пищевые продукты, напитки и табачные изделия
15	«Приорбанк»	212,2	221,4	44,7	65,5	Финансовая деятельность
16	«Брестский мясокомбинат»	205,9	245,7	7,6	8,0	Пищевые продукты, напитки и табачные изделия
17	«Белинвестбанк»	198,2	234,3	6,3	12,4	Финансовая деятельность
18	«СберБанк»	193,3	198,5	24,5	59,8	Финансовая деятельность
19	«Брестгазоаппарат»	175,1	198,1	32,7	24,4	Потребительские товары
20	«Банк БелВЭБ»	172,5	170,5	12,7	17,5	Финансовая деятельность

ждение между Сциллой выравнивания и Харибдой минимизации затрат.

Белорусские представители либеральной школы применяют методы компаративистики исключительно в тех случаях, когда получаемые результаты работают на логику радикального монетаризма. Критерий эффективности для них – любые статистические показатели, фетиш – борьба с инфляцией. Отношение к иным моделям соответствует возрасту, уровню амбиций и масштабу незнания своей страны. «Социализм, как система централизованного распределения экономических ресурсов, себя полностью дискредитировал. Логично было бы выбросить на свалку науки его инструменты, методику анализа и практические рекомендации по проведению экономической политики... Место Маркса на пьедестале занял *Economics*»⁵⁴. Впрочем, после книги «Капитал в XXI веке» Тома Пикетти актуальность *Economics* стала дискуссионной, а сами белорусские либеральные экономисты давно уже не являются белорусскими. Оказавшись

⁵⁴ Официальная белорусская экономическая школа: между марксизмом и левым кейнсианством // Научно-исследовательский центр Мизеса, 12.05.2006. URL: <https://liberty-belarus.info/o-kapitalizme/kapitalizm-dlya-lyuboznatelnykh/item/587-ofitsialnaya-belorusskaya-ekonomicheskaya-shkola-mezhdu-marksizmom-i-levym-kejnsianstvom> (дата обращения 20.06.2024).

в Польше, они с удивлением обнаружили, что экономический блок польского правительства не только не стесняется государственного сектора, но и активно его развивает.

Заканчивая обзор идей представителей либерального крыла в белорусской экономической науке и экспертной практике, отметим, что в истории Республики Беларусь после 1997 г. не было периода, когда бы либеральные экономисты не предсказывали крах экономики. Критике подвергались не отдельные элементы белорусской модели, а её системные признаки: высокая доля государственной собственности, государственное управление крупнейшими предприятиями, отсутствие тотальной приватизации, социальный характер конечных целей экономического развития. Причём, если этот характер подвергать прямой критике было с политической точки зрения некорректно, то элементы государственного экономического курса критиковались предельно жёстко. Социально-экономическое развитие Республики Беларусь тем не менее проходило достаточно успешно, а сама социально-экономическая модель в известной степени коррелирует с российской, казахской и азербайджанской⁵⁵. Однако в основе российской, казахстанской и азербайджанской моделей велика роль энергоресурсов как основы экспортного потенциала, чего Беларусь по понятным причинам лишена.

Таким образом, то, что в России продолжает оставаться предметом для дискуссий, например 5-летнее планирование, в Республике Беларусь уже реализовано. «Самое главное в совершенствовании управления страной – необходимость перехода к стратегическому пятилетнему плану в 2026–2030 гг. по примеру не только Китая, но также Японии и Южной Кореи, осуществивших технологический и социально-экономический подъём за шесть пятилетних планов. Индия обязана высокими темпами своим предшествующим пятилеткам, она в 2017 г. закончила 12-ю пятилетку. Турция выполняет 11-й пятилетний план, ежегодно увеличивая свой ВВП на 5–6%»⁵⁶.

⁵⁵ Шамахов В.А., Межевич Н. М. Суверенитет vs развитие. Экономика Беларуси в контексте актуальных тенденций мирового развития // Управленческое консультирование. 2020. №6. С. 10–20.

⁵⁶ Аганбегян А.Г. Инновации в России: от высокого знания и наличия перспективных научных заделов к эффективному социально-экономическому

4. Экономика, ориентированная на масштабные внешнеэкономические связи страны, не может остаться без влияния позитивных и негативных процессов, протекающих в мировом и европейском хозяйстве. Кризисные явления в европейской экономике – это не только проблемы финансовых и фондовых рынков, обусловленных мировым финансово-экономическим кризисом. Это деиндустриализация, структурные ошибки в сельском хозяйстве, падение эффективности государственного управления от Варшавы до Лиссабона. Эти процессы медленно развивались в течение долгого времени.

Отдельный и особый случай – санкционные режимы. Республика Беларусь большую часть времени находилась под санкциями различных степеней жёсткости. Причём в дополнение к санкциям, принятым в отношении непосредственно Беларуси, на её экономику, оказывали влияние и ограничения против России. Всё это создавало предпосылки для ухудшения внешнеэкономических связей в западном направлении, однако до 2020 г. существовали иллюзии решения этой проблемы.

Общая эффективность действующей модели экономического развития в Белоруссии тесно связана с характером внешнеэкономических связей. Директор Института экономики НАН РБ справедливо указывал: «Следует признать, что Беларусь на современном этапе развития не готова к глобальной конкуренции и интеграции. Одновременное включение Беларуси в глобальные и региональные процессы связано с существенными рисками и угрозами. Вместе с тем, суверенное государство такого геоэкономического положения не может оставаться в самоизоляции, поскольку это означало бы консервацию низкой международной конкурентоспособности и поддержание малоэффективной внешнеэкономической деятельности»⁵⁷. Внеэкономические предпосылки для интеграции достаточно очевидны. Как уже было отмечено, Белоруссия развивала европейский вектор интеграции, и это было абсолютно логично для достаточно длительного периода. Неоправданный оптимизм можно было увидеть в научных работах белорусских коллег вплоть до 2020 г. «Торгово-

развитию // Экономическое возрождение России. 2023. №2. С. 26.

⁵⁷ Дайнеко А.Е. Геоэкономические приоритеты Беларуси. Минск: Белорусская наука, 2011. С. 4.

экономические связи со странами-членами ЕС стали важнее для белорусской экономики, чем с некоторыми странами СНГ; во-вторых, страны ЕС оказались наиболее весомым и реальным для Беларуси источником кредитно-финансовых, инвестиционных и технологических ресурсов, именно они способны обеспечить конкурентоспособность нашей продукции на внешних рынках»⁵⁸.

Следующий вопрос – о роли России в белорусской экономике, который сохраняет свою дискуссионность и служит аргументом для экспертов не столько в экономических, сколько в политических спорах. Для Республики Беларусь история и география «работают» на экономическую интеграцию с Россией⁵⁹. «Белоруссия в течение 30 лет постсоветского существования медленно, но верно приумножала индустриальные и энергетические мощности, доставшиеся в наследство от СССР. Это помогло республике создать уникальную систему государственного управления энергетической отраслью в условиях социальной рыночной экономики»⁶⁰.

После 2020 г. полностью подтвердился тезис о том, что Беларусь – открытая экономика, где доля экспорта и импорта в ВВП составляют соответственно свыше 55–78 и 55–75% за 2012–2019 гг. В промышленности перерабатывается более 70% поставляемого в страну сырья и более 80% комплектующих изделий используется в сборочных производствах. Более 80% продукции промышленного производства не может быть потреблено в самой Беларуси и, как следствие, экспортируется. В промышленности более 70% используемого сырья и более 80% комплектующих изделий, используемых в сборочных производствах, – импортные⁶¹. К сожалению, аналогичной цифры по сельскому хо-

⁵⁸ Чесновский М.Э. Внешняя политика республики Беларусь в контексте европейской интеграции // Беларусь в меняющемся мире: история и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 февр. 2019 г. / редкол.: М.Э. Чесновский (пред.). Минск: БГУ, 2019. С. 31.

⁵⁹ Межевич Н.М. Республика Беларусь в системе интеграционных проектов: мнимые и реальные альтернативы? Беларусь в современном мире / Беларусь у сучасным свеце: материалы XIV Международной конференции, посвящённой 94-летию образования Белорусского государственного университета, 29 октября 2015 г. / редкол.: В.Г. Шадурский и др. Минск: Изд. центр БГУ, 2016.

⁶⁰ Межевич Н.М. Пространство Евразии и вызовы времени: белорусский случай // Современная Европа. 2021. №1. С. 163.

⁶¹ Подробнее: Абрамчук Н. Оценка состояния внешней торговли Беларуси: то-

зайству найти или подсчитать не удалось.

В любом случае экономика ориентированной на масштабные внешнеэкономические связи страны оказалась под влиянием негативных процессов, протекающих в мировом и европейском хозяйстве. Всё это ведёт к ухудшению внешнеэкономических связей в западном направлении.

Не менее половины негативных предпосылок развития сложной ситуации в экономике Беларуси – это санкции против главного торгового партнёра Беларуси, падение цен на нефть, девальвация российского рубля, сужение российского рынка. Всё это привело к естественному и резкому падению сбыта продукции на рынках ключевых партнёров Беларуси: России, Украины и Казахстана, всём постсоветском пространстве⁶². При этом санкционные режимы вызвали сближение экономик как в контексте внешней торговли, так и иных характеристик экономической модели.

Мы не можем полностью согласиться с нашими белорусскими коллегами, отмечающими, что «развитие малой открытой экономики в силу её высокой интегрированности в мировую экономику характеризуется определяющим влиянием внешних условий её функционирования и высокой значимостью внешнего сектора... В свою очередь состояние внешнего сектора в целом и его элементов в составе внутренних секторов предопределяет рост и развитие всей национальной экономики»⁶³. С нашей точки зрения, белорусская экономика не является малой, причём речь идёт не только о макроэкономических показателях, но об общем индустриально-аграрном векторе развития⁶⁴.

варный аспект // Банкаўскі веснік. Люты 2016. С. 101-102; Гнатюк С.Н. Внешняя торговля как условие устойчивого развития экономики Беларуси // Modern Economy Success. 2018. №4. С. 130; Самоховец М.П., Гречишкина Е.А., Глазкова Н.Г. Внешняя торговля Республики Беларусь: тенденции и перспективы // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8, №3. С. 15-23.

⁶² Союзное государство Беларуси и России. От Сообщества к построению единого государства. М.: ЮНИТИ, 2017. 591 с.

⁶³ Левкович А.П. Внешний сектор национальной экономики Республики Беларусь: оценка современных условий и факторов функционирования // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2022. №3. С. 6.

⁶⁴ Зверев Ю.М., Межевич Н.М. Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы // Полис. Политические исследования. 2019. №5. С. 181-191.

События июля 2020 г. и похожие раздражители, отмеченные ранее в отношениях России и Беларуси, не следует сбрасывать со счетов, но и переоценивать их – серьёзная ошибка, особенно сейчас, когда против Белоруссии развёрнута экономическая война, имеющая целью проверку эффективности всего Союзного государства.

Конечно, есть определённые сложности подсчёта в торговых отношениях наших стран. Обратимся к словам торгового представителя РФ в Беларуси Юрия Золотарёва: «Значительный объём внешней торговли между Россией и Беларусью осуществляется преимущественно в национальных валютах, а внешнеторговая статистика учитывается в долларах США. В связи с этим, если провести анализ структуры российско-белорусского товарооборота с учётом существенного падения курсов российского и белорусского рублей по отношению к американской валюте, то можно отметить, что при определённом снижении оборота в стоимостном выражении физические объёмы взаимных поставок по некоторым позициям товаров не только не снизились, но и выросли»⁶⁵.

Зависимость Республики Беларусь от внешнеэкономических связей торговли существовала все последние 30 лет. Выравнивание внешнего дефицита национальной экономики считалось возможным в рамках диверсификации товарной и географической структур, увеличения доли инвестиционных товаров, наукоёмкой и высокотехнологичной продукции, расширения экспорта услуг, прежде всего высокотехнологичных и туризма. Неоднократно предпринимались усилия по диверсификации внешнеэкономических связей, однако их эффективность была невысокой. При этом показатели торговли с РФ демонстрировали положительную динамику⁶⁶.

Баланс Минска от торговли с Москвой в 2022 и 2023 гг. оказался положительным впервые за всю историю российско-бело-

⁶⁵ Торговый оборот – 2020: пятьдесят на пятьдесят. Почти половина внешне-торгового оборота приходится на Россию // Экономическая газета, 16.03.2021. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/torgovuj-oborot---2020-50-na-50> (дата обращения 20.06.2024).

⁶⁶ Шамахов В.А., Межевич Н.М. Суверенитет vs развитие. Экономика Беларуси в контексте актуальных тенденций мирового развития // Управленческое консультирование. 2020. №6. С. 10-20.

русских отношений. Этому поспособствовали рекордный товарооборот и значительный рост белорусских поставок в РФ. Отметим, что даже самые смелые прогнозы, проанализированные нами ранее, исключали этот вариант⁶⁷. «У белорусского недовольства экономическим взаимодействием с Россией были две фундаментальных причины. Первая – стабильно отрицательный торговый баланс: РБ, продавая РФ товары с высокой добавленной стоимостью, закупала большие объёмы газа и нефти. Вторая – желание во что бы то ни стало сохранить государственный контроль над ключевыми белорусскими предприятиями: они позиционировались как “фамильное серебро”, а в СМИ и экспертной среде Россия часто выставлялась в роли рейдера»⁶⁸.

Констатация факта торговли с Россией и российской поддержки не даёт указания на её размеры. Фактически речь идёт не о финансовой поддержке, а о модели взаимодействия двух государств, при которой уровень социально-экономического развития одной страны определяется уровнем развития и возможностями другой. Этот факт признан в республике Беларусь не только экспертами и экономистами, но и руководителями государства. Белорусские экономисты считают, что падение ВВП России на 1% автоматически уменьшает ВВП Беларуси на 0,8%, однако это лишь первичная реакция. С учётом примерно трёхквартального временного лага, и при отсутствии механизмов выравнивания, действующих в настоящее время, ситуация будет обратной: падение ВВП в России на 0,8% – падение ВВП Беларуси на 1-1,2%. Данное обстоятельство в республике было отмечено на уровне министра экономики: «ВВП прямо или косвенно наполовину зависит от России»⁶⁹.

В нынешней форме белорусская экономическая модель может существовать при глубоком сотрудничестве с Россией. Ре-

⁶⁷ Шамахов В.А., Максимцев И.А., Межевич Н.М. Внешнеэкономические связи России и Беларуси: объективные возможности и субъективные препятствия развития // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 8-16.

⁶⁸ Лизан И. От отчуждения к сближению. Эволюция российско-белорусских отношений после августа 2020 года. М.: Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза «Союзный нарратив 2050», 2023. С. 5-6.

⁶⁹ Снопков: ВВП Беларуси наполовину зависит от России. 11.12.2014. URL: <https://freesmi.by/ekonomika/167518> (дата обращения 20.06.2024).

шением проблемы повышения конкурентоспособности мог бы стать переход от патерналистской, квазиресурсной модели развития экономики к постиндустриальной и инвестиционной⁷⁰. Однако этот путь неизбежно предполагает жёсткие и непопулярные реформы, шоковую терапию в версии третьего десятилетия XXI в. Это невозможно перед выборами и практически исключено после них.

Углубление хозяйственных связей с Россией, выход на положительное сальдо внешнеэкономических операций свидетельствует о том, что текущая модель торговли товарами и услугами с РФ, хотя и не является идеальной с теоретической точки зрения, способна обеспечить эффективное развитие Беларуси на долгосрочную перспективу. Для России сотрудничество с Беларусью также выгодно. Экономические процессы двух стран синхронизируются.

Евразийский банк развития опубликовал Макроэкономический прогноз для шести государств-участников. По мнению аналитиков ЕАБР, экономики России и Беларуси полностью адаптировались к новым условиям и уже в III квартале 2023 г. вышли на уровень конца 2021 г. Это стало возможным за счёт формирования новых цепочек добавленной стоимости и ориентации на внутренний спрос. Экономика Беларуси в 2024 г. увеличится на 2%, что превышает средние темпы за последние 10 лет. Аналитики ЕАБР прогнозируют дальнейшее замедление инфляционных процессов в Беларуси – до 8%⁷¹.

В целом же активное государственное регулирование, общий в рамках Союзного государства протекционизм и российские стратегические инвестиции обеспечивают Беларуси эффективную трансформацию экономики. «В поведении белорусской экономики есть своя логика, чёткое стремление сохранить (даже силовым путём) унаследованную структуру и систему управления»⁷².

⁷⁰ Белорусская социально-экономическая модель... С. 615.

⁷¹ Макропрогноз ЕАБР 2024–2026: прогноз экономического роста улучшен для всех стран региона. 14.12.2023 URL: <https://eabr.org/press/releases/makro-prognoz-eabr-2024-2026-prognoz-ekononicheskogo-rosta-uluchshen-dlya-vsekh-stran-regiona/> (дата обращения 20.06.2024).

⁷² «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и её раскодирование. Минск: Звезда, 2021. С. 14.

ГЛАВА 4. ЯЗЫК, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СПЕЦИФИКА БЕЛОРУССКОГО ПУТИ

Нация, по определению Б. Андерсона⁷³, является «горизонтальным братством», т.е. сообществом равноправных граждан, объединённых представлениями о себе как о едином народе. При этом национальные идентичности не являются чем-то априори данным, но в значительной степени «конструируются» в процессе политической модернизации, что полностью характерно для Беларуси.

Одним из элементов конструирования национальных идентичностей было создание унифицированного языкового стандарта – национального языка. Он, с одной стороны, становился великим социальным интегратором, объединяя людей в рамках национальной общности и формируя единое культурное и информационное пространство. С другой – языковые различия становились удобным инструментом разделения и обособления отдельных наций и национальных государств. На Украине языковая политика и дискриминация по языковому признаку стала важной причиной событий 2022 г. Для Восточной Европы модель этнического национализма оказалась преобладающей, и в том числе для постсоветского пространства.

В Беларуси в Новое время также происходила политизация этничности, когда те или иные культурно-языковые отличия и особенности населения её территории становились основанием для провозглашения этого населения отдельной нацией и выдвижения политических требований, конечной целью которых становилось создание нового национального государства.

Нахождение Беларуси на геополитическом и культурном пограничье привело к тому, что конструирование этнонациональной идентичности обрело форму конкуренции альтернативных национальных проектов за одни и те же территории и население. Это как раз та ситуация, при которой две или несколько близкородственных этнических групп, проживающих по сосед-

⁷³ Андерсон Бенедикт. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. С. 49.

ству, могли интерпретироваться либо как разные этносы, либо как составные части одного большого этноса. В зависимости от ответа на этот вопрос определялось, должны ли эти этнографические группы войти в состав одного национального государства или образовать собственные отдельные государства.

Белорусский национализм, постулировавший этническую обособленность белорусов и на этом основании выдвигавший требования политического суверенитета, в начале XX в. столкнулся с конкурирующей концепцией западнорусизма, рассматривавшего белорусов как часть русской этнополитической общности и видевшего будущее Белоруссии в составе России. Ещё одной, хотя и ограниченной в основном католическим населением, была альтернатива большой польской нации, апеллировавшей к историческому наследию Речи Посполитой и опиравшейся на сословное доминирование полонизированной аристократии на белорусских землях. Этот проект попытались реализовать в 1921–1939 гг. в рамках межвоенной Польши, в состав которой входили территории Западной Белоруссии.

Таким образом, сущностным содержанием процесса политической модернизации на территории Беларуси можно считать формирование и становление национального государства. В рамках этого процесса предстояло решить вопрос, каким должно быть белорусское национальное государство, должно ли оно быть вообще, и что из себя представляют белорусы как национально-политическая общность, а последние 32 года уже и национальное государство?

Помимо конфликта идентичностей, развивавшегося на территории Беларуси ещё в дореволюционный период, важной особенностью национального генезиса явилось то, что формирование белорусской государственности происходило в рамках СССР, и особенности советского проекта наложили на неё свой отпечаток.

Одним из главных и долгосрочных последствий победы Октябрьской революции была национальная политика Советского государства, определяющая современную геополитическую конфигурацию постсоветского пространства, а также связанные с ней проблемы и противоречия. Национально-административное

размежевание СССР сформировало территориальную матрицу его распада, а попытки тех или иных форм реинтеграции постсоветских государств неизменно наталкиваются на противодействие элит, ревниво охраняющих свой сравнительно недавно обретённый суверенитет.

Попытки реинтеграции постсоветского пространства, будь то Евразийский союз или Союзное государство России и Беларуси, по сути, воспроизводят ту же логику, на которой строилось политическое объединение республик в рамках СССР – интернационализм. Это доктрина, предполагающая социально-экономическое объединение национальных государств и «дружбу народов» при сохранении их национально-культурной обособленности. Интернационализм пытается примирить две противоположные тенденции – тенденцию к глобализации, которая обуславливает потребность в политическом и экономическом объединении поверх национально-культурных ограничений, и «национальный патриотизм», который сопротивляется унифицирующему воздействию глобализации. Именно в этом и видят «мудрость» интернационализма его сторонники, полагая, что он способен эффективно решить задачу совмещения глобализации с национально-культурной неоднородностью человечества.

Исторический опыт показал крайнюю неустойчивость интернациональных образований. К концу XX в. рухнули все государства, основанные на принципах интернационализма: СССР, Югославия, Чехословакия. Его сторонники склонны видеть в этом иные причины, не связанные с данной идеологией. Действительно, сложно не согласиться с тем, что сам по себе интернационализм не был первопричиной гибели этих государств. Однако он внёс немалую лепту в их печальный финал. Ведь территориальный распад интернациональных объединений проходил по национально-административным границам, сформированным предшествующей политикой интернационализма, который, таким образом, формировал матрицу распада созданных им государств. Интернациональная политика сохранения и поддержания национальных размежеваний в рамках «больших» политических проектов так и не смогла преодолеть противоречия между нуждами глобализации и национальным эгоизмом, который

неизменно «взрывал» интернациональное государство в кризисный момент.

Один из важных аспектов противоречий интернационалистской политики – языковой вопрос. В бывшем СССР, как и в Европе (за редкими исключениями), язык – одним из ключевых факторов национальной идентичности. Собственно, устойчивое выражение «национальный язык» в этом отношении весьма красноречиво. Знаменитое сталинское определение нации, лежавшее в основе советской (интер)национальной политики, гласит, что «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры...»⁷⁴. Таким образом, язык оказывается первым среди признаков, определяющих советское видение нации. Понимание нации как в первую очередь языковой общности было унаследовано и всеми постсоветскими государствами.

Подобный подход предполагал развитие национальных языков в качестве основного средства общения в рамках соответствующих «социалистических наций». Однако по факту в СССР происходили достаточно активные процессы языковой ассимиляции, когда национальные языки вытеснялись и замещались русским, которому советская национальная доктрина отводила роль языка межнационального общения, не посягающего на суверенные языковые права «братских» народов. Процессы эти протекали неоднородно. В меньшей степени они были выражены в Закавказье, Центральной Азии и Прибалтике, в большей – на Украине, в Казахстане, Белоруссии, национальных республиках России. Тем не менее общая тенденция была достаточно очевидна: гармоничного равноправия и расцвета национальных культур в СССР так и не вышло.

Неслучайно поэтому тема «национального угнетения» была поднята на знамени всеми националистическими движениями, вспыхнувшими в союзных и автономных республиках в ходе перестройки. После распада СССР основой внутренней политики

⁷⁴ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 296.

большинства новых независимых государств стала борьба с «имперским наследием», выразившаяся в выдавливании русского языка из делопроизводства, системы образования, СМИ и других сфер общественной жизни, а также в разнообразных формах дискриминации русскоязычного населения. Языковой вопрос стал одним из камней преткновения в отношениях между Россией и бывшими союзными республиками. В РФ болезненно воспринимают притеснение русского языка и его носителей, а в новых независимых государствах расценивают эту озабоченность как проявление «великодержавного шовинизма» и вмешательство во внутренние дела.

«Языковые войны», характерные как для постсоветского пространства, так и для многих других регионов земного шара, во многом являются результатом современных представлений о языках, нациях и их отношениях друг с другом. В основе этих представлений лежит идея о принципиальном равенстве наций, национальных культур и языков, фактически переносящая концепцию правового равенства с индивидуального, межличностного уровня на уровень таких коллективных сущностей, как нации. Этот взгляд лежит и в фундаменте интернационалистской идеологии. Он также послужил базой для многочисленных «национально-освободительных» движений по всему миру. В этой же логике развивается и борьба с русским языком во многих постсоветских республиках, обосновываемая защитой национальной культуры и самобытности.

Нетрудно заметить, что подобный подход ставит вне закона любые проявления культурно-языковой ассимиляции, глобализации и унификации, а ревнивая защита чистоты «своего» заставляет настороженно, если не открыто враждебно, относиться к проявлению любых «чужих» влияний. Представление о нации как не только о политической, но и о культурно-языковой общности предполагает жёсткую фиксацию культурно-языковых границ, которые в идеале должны совпадать с границами политическими. Кроме того, это предполагает установку на консервацию существующих национально-языковых различий, формирование максимально непрозрачных барьеров между нациями, которые, по сути, привязывают людей к «своей» общности,

затрудняя выход за её пределы не только в политическом, но и в культурном, мировоззренческом плане.

Подобный узконационалистический подход не раз доказывал свою ограниченность и конфликтогенность. Национализму и продуцируемой им ксенофобии всегда противостояло стремление людей общаться и взаимодействовать с себе подобными поверх политических и культурных барьеров, национальному изоляционизму – культурная открытость и восприимчивость к «чужому».

Интернационализм стал попыткой примирить эти две тенденции. Сохраняя политико-культурную обособленность наций, он вместе с тем ставит своей задачей их объединение в некий наднациональный, глобальный (в советском случае – коммунистический) проект. В то же время интернационализм остаётся на позициях принципиального равенства всех наций и национальных культур.

Однако, как показал тот же советский опыт, вместо интернациональной гармонии получилась ползучая экспансия русского языка и русскоязычной культуры, нелегитимная с точки зрения самого же интернационализма. Закономерным результатом стала националистическая реакция, продолжающая бушевать уже на руинах бывшего СССР. Белоруссия в полной мере столкнулась с последствиями этой внутренне противоречивой советской национально-языковой политики, которая наложила здесь на весьма своеобразные культурно-исторические условия.

В рамках СССР Белоруссия оформилась как одна из союзных республик со своей титульной нацией-этнотомом – белорусами. В духе советского (интер)национализма белорусская национальность понималась как этнолингвистическая, т.е. основанная на национальном языке и культуре. При этом именно в Белоруссии среди всех союзных республик за пределами РСФСР наблюдалась, пожалуй, наиболее высокая степень распространённости русского языка в качестве основного средства повседневного общения.

Более того, исторически Белоруссия веками находилась на перекрестке различных национально-политических проектов, что порождало антагонистические и конкурирующие попытки

самоопределения. Вплоть до советского времени территория современной Белоруссии никогда не представляла собой обособленную политическую единицу и попеременно входила в состав разных государственных образований (Древней Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи), испытывая разнонаправленные и противоречивые культурные влияния. Белорусский этнический национализм, зародившийся на рубеже XIX–XX вв., изначально развивался в острой конкуренции с двумя альтернативными проектами национального самоопределения этой территории – польским и русским.

Польский национализм, основанный на великодержавных традициях Речи Посполитой, рассматривал территорию Белоруссии как составную часть большой польской нации. Однако к началу XX в. в Белоруссии он имел достаточно узкую социальную базу, в основном среди католического меньшинства и местной полонизированной аристократии.

Проект большой русской нации возник в Российской империи и строился на апелляции к идее Древней Руси как общей исторической колыбели всех восточных славян, которые понимались как триединый русский народ, а языковые отличия между ними, по мнению сторонников этой концепции, не превышали различия между отдельными немецкими или итальянскими диалектами.

В Белоруссии доктрина триединого русского народа имела своё региональное измерение в виде общественно-политического движения, которое впоследствии получило собирательное наименование западнорусизма. К нему относились в основном представители белорусской православной интеллигенции (М.О. Коялович, Е.Ф. Карский, А.П. Сапунов, Е.Р. Романов и др.), которые формулировали представления о Белоруссии и белорусах как о своеобразной, но неотъемлемой части России и большого русского народа.

Если польский национализм имел в Белоруссии ограниченную социальную базу, то русский национальный проект был ориентирован на основную массу белорусского крестьянства и был основным конкурентом белорусского этнического национализма в дореволюционное время. Эту конкуренцию националь-

ных проектов раскрыл классик белорусской литературы Янка Купала, который в пьесе «Тутэйшыя» («Здешние») с нескрывае-мой неприязнью изобразил своих оппонентов из польского и русского лагеря в образе этнографов, доказывающих исконную принадлежность белорусов к Польше и России соответственно.

В советский период этот конфликт идентичностей был авторитарно разрешён большевиками, признавшими «историческую правду» за последователями белорусского национализма и осудившими идею общерусского единства как «великодержавный шовинизм». Белорусы были признаны отдельной этнической (т.е. основанной на идее своей культурно-языковой особенности) нацией и получили государственность в формате союзной республики.

Вместе с тем советская национальная политика была противоречивой. Если в 1920-е и в начале 1930-х гг. преобладающей была тенденция на «коренизацию», т.е. на форсированное развитие национальных языков, в т.ч. и вытеснение ими русского, а также выдвижение национальных кадров в союзных республиках, то уже во второй половине 1930-х гг. берётся курс на укрепление советского патриотизма, а в отношении «национальных кадров», включая творческую интеллигенцию, проводятся репрессии и чистки. В условиях централизованного государства формирование единого экономического комплекса закономерно вело к укреплению роли русского языка как межнационального. В случае с Белоруссией, где изначальная этническая дистанция с русскими была невелика, а национальное сознание местного населения оставалось неустойчивым и размытым, русский язык быстро завоёвывает статус «престижного» и «городского», постепенно становясь основным средством общения, в первую очередь в крупных городах⁷⁵.

Этим языковая ситуация в Белоруссии существенно отличалась от украинской, где малорусские сельские говоры сохранились в слабо урбанизированных центральных и западных областях и в рамках советской национальной политики были успеш-

⁷⁵ Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций. URL: http://lingvarium.org/ling_geo/belarus/belorus.pdf (дата обращения 20.06.2024).

но трансформированы в литературный украинский язык, который, таким образом, получил живую социальную среду с миллионами носителей. В Белоруссии благодаря массовой урбанизации (к концу советской эпохи 76% населения БССР жило в городах) диалектная основа белорусского языка была сильно размыта, а сам язык оказался «заперт» в узком кругу национальной гуманитарной интеллигенции.

Так, на низкую востребованность белорусского языка жителями городов ещё в 1956 г. жаловался классик белорусской литературы Якуб Колас: «Учреждения столицы вывели из обихода белорусский язык: на нём не ведётся переписка, на нём не говорят с посетителями, в городах нет белорусских вывесок и надписей, мало белорусских афиш и плакатов»⁷⁶.

В послевоенный период в СССР в отношении русских, белорусов и украинцев утверждается концепция «трёх братских народов», во многом воспроизводящая установки дореволюционной идеи «триединого русского народа». Это также способствовало размыванию межнациональных барьеров внутри восточнославянского населения СССР и формированию представлений о нём как о фактически одном народе.

Таким образом, к моменту распада СССР Белоруссия мало походила на культурно герметичную этническую нацию, каковой официально считалась, и характеризовалась практически повсеместным распространением русского языка и культурным тяготением к России. И если в условиях централизованного советского государства это противоречие носило скрытый характер, то после его распада оно стало во многом определять политическую жизнь Белоруссии и её отношения с РФ.

Основными выгодополучателями распада СССР в Белоруссии, как и везде на постсоветском пространстве, стали местные элиты, получившие в свои руки полный политический суверенитет, и национальная творческая интеллигенция, наконец избавившаяся от «культурной гегемонии» Москвы. Сам факт разрушения СССР и обретения независимости требовал легитимации,

⁷⁶ Цит. по: Навекі – у сэрцы народа. Наша слова №45 (1092). 7 лістапада 2012 г. URL: [https://pawet.net/ns/2012/45/%E2%84%96_45_\(1092\).html](https://pawet.net/ns/2012/45/%E2%84%96_45_(1092).html) (дата обращения 20.11.2023).

т.е. формирования некоей идеологии новых независимых государств. Роль такой идеологии практически сразу занимает этнический национализм, который уже де-факто был основой государственности БССР в составе Советского Союза, пусть и в сильно смягчённом виде, и в рамках марксистско-ленинской парадигмы. Внутри этнического национализма уже была готова мифология государственного суверенитета как высшей ценности и извечной мечты белорусского народа.

Поскольку белорусский национализм является этническим, т.е. основанным на представлениях о культурно-языковой герметичности и самодостаточности белорусской нации, широкое распространение русского языка в рамках этой идеологии рассматривается как угроза национальному бытию белорусов.

Соответственно, в первые годы независимости борьба с «русификацией» становится основой национальной политики в Белоруссии. Это предполагало установление монополии белорусского языка в качестве государственного и последовательное вытеснение русского языка из всех сфер жизни – культуры, образования (его полный перевод на белорусский язык планировался к 1999 г.), делопроизводства, сферы обслуживания и в конечном счёте бытового общения. Учитывая, что русский язык и культура всегда рассматривались белорусскими националистами в качестве наиболее опасных конкурентов, антироссийская направленность всей националистической мифологии совсем не удивительна.

Это проявлялось не только в языковом вопросе, но и в политике исторической памяти. Так, в первые годы независимости в качестве государственного праздника в Белоруссии пытались установить «день белорусской воинской славы», отмечаемый 8 сентября. В этот день в 1514 г. войска Великого княжества Литовского под командованием князя Константина Острожского разбили московское войско неподалеку от города Орша. В современной националистической мифологии это событие трактуется как победа «белорусского оружия» над «московским агрессором». В идеологической сфере происходило распространение мифологии о якобы извечной борьбе белорусов за свободу и независимость против России, представлений о России как об из-

вечном, экзистенциальном враге.

В продвижении националистических нарративов очень большую роль играли и многочисленные западные НКО, которые стали проникать в Белоруссию с первых лет независимости, а также деятели националистической эмиграции. Так, в 1993 г. широко отмечалось 75-летие т.н. Белорусской народной республики (БНР), в котором принимали участие спикер Верховного Совета С.С. Шушкевич, представители творческой интеллигенции (писатели и поэты Василь Быков, Нил Гилевич, Рыгор Бородулин и др.), а также глава «правительства БНР» Иосиф Сажич, известный коллаборационист в годы Великой Отечественной войны, впоследствии бежавший на Запад и проживавший в США.

Это явление не было уникальным. Аналогичные процессы происходили в государствах Прибалтики, где выходцы из эмиграции не только стали играть значительную роль в местной политике, но и оказывались на высших государственных должностях (президенты Вайра Вике-Фрейдберга в Латвии и Валдас Адамкус в Литве).

Вместе с тем осуществить радикальный и быстрый разворот на Запад под знамёнами этнического национализма по прибалтийскому образцу Белоруссия не могла. Это обуславливалось как экономическими (высокая зависимость от российских энергоносителей и рынков сбыта), так и социокультурными факторами. Этнический национализм в Белоруссии стал не объединяющей, а раскалывающей идеологией, вызвавшей сопротивление и неприятие значительной части русскоязычного населения. Споры и конфликты по поводу языковой политики и интерпретаций событий прошлого стали фоном политической жизни республики с первых лет независимости.

Белорусская элита была вынуждена искать баланс между задачами национального строительства на основе этнического национализма и необходимостью сохранять тесные отношения с Россией, а также учитывать интересы русскоязычного населения. Уже в первые годы белорусской независимости (1991–1994 гг.), когда идеологическую повестку задавали объединённые во круг Белорусского народного фронта националисты, наметилось противостояние Верховного Совета, где в основном группиро-

вались белорусские националисты, и «технократического» правительства В.Ф. Кебича, ориентированного на сохранение и укрепление интеграционных связей с Россией.

Общее падение уровня жизни из-за распада СССР и разрыва устоявшихся экономических связей и узость социальной базы этнического национализма, активно поддерживаемого лишь в кругах национальной гуманитарной интеллигенции, обусловили популярность идей реинтеграции Белоруссии с Россией, а также отказа от агрессивно навязываемой политики «национального возрождения», которая противоречила культурным установкам и бытовым привычкам большинства жителей республики.

Эту конъюнктуру чутко уловил А.Г. Лукашенко, который в 1994 г. стал президентом, а в 1995 г. инициировал референдум, на котором основными вопросами стали придание русскому языку статуса государственного и судьба интеграции с Россией. Таким образом, Белоруссия стала единственной постсоветской республикой, где русский язык был полностью уравнен в статусе с титульным. По итогам референдума 1995 г. оба языка стали государственными.

Вместе с тем проблема поиска баланса между интеграцией с Россией и укреплением белорусского суверенитета и национальной идентичности сохранялась и после 1995 г. Представление о белорусах как об особой этнической нации оставалось неизменным. Историческая политика строилась на нарративах, апеллирующих к эпохам Великого княжества Литовского и Речи Посполитой как «золотому веку» белорусской государственности, но без агрессивной антироссийской риторики, характерной для начала 1990-х гг. Также активно продвигалась идея Полоцкого княжества как первой формы белорусской государственности. Важной особенностью белорусской политики исторической памяти, резко отличающей Белоруссию от Украины и стран Прибалтики, стало позитивное отношение к советскому периоду и Белорусской ССР как первой форме современной национальной государственности.

В конце 2000-х и в 2010-х гг., однако, вновь возник некоторый крен в сторону прозападного национализма. В этот период отношения Белоруссии и России переживали временный кри-

зис, а строительство Союзного государства стагнировало. При этом внутри Белоруссии консолидировались группы, ориентированные на более прозападный и националистический курс – ИТ-сектор и прочий связанный с Западом бизнес, новое поколение творческой элиты и журналистов, где националистические настроения традиционно были особенно сильны. С развитием Интернета именно эта среда сформировала сеть новых влиятельных СМИ, которые оказывали мощное воздействие на формирование общественного мнения. Наконец, в рамках многовекторного внешнеполитического курса происходила относительная либерализация и внутренней политики, благодаря чему в республику проникали западные неправительственные организации, быстро вошедшие в синергию с местным националистическим «гражданским обществом».

При этом особенностью белорусской оппозиции являлось непонимание исторического момента, точнее, мирового контекста для собственно белорусских процессов. Формула полностью адекватная 1990-м гг., в 2014 г. смотрелась откровенно странно: «...процесс глобализации завершился, и глобализация окончательно охватила всё человечество, все национальные государства. Это означает размыкание национальных государств в открытом мире глобальных экономических процессов, транснациональных корпораций, международного права, свободной миграции и т.д.», – так пишет один из идеологов и методологов белорусского протеста⁷⁷. Отметим, что формулировка «окончательно охватила» очень напоминает риторику районных партконференций как в Советской Беларуси, так и любой другой республике. Пропагандируя глобализацию, представители оппозиции тем не менее рассматривали языковой вопрос не как цель, а как средство продвижения своей повестки.

В 2010-е гг. вновь возникла некоторая напряжённость по языковому вопросу. Осенью 2019 г. в Белоруссии состоялась очередная перепись населения. Она стала третьей в истории суве-

⁷⁷ Мацкевич В. Белорусизация: рамки и содержательное наполнение. Историческая детерминация // Белорусизация. Можно ли завершить процесс институционального строительства независимого государства? Сб. материалов конференции / под ред. А. Шутова. Вильнюс; Центр европейской трансформации (Беларусь), 2014. С. 7.

ренного существования страны – две предыдущие прошли в 1999 и 2009 гг. Вокруг переписи кипели нешуточные страсти. В частности, националистическими СМИ и ресурсами была развёрнута активная агитация в пользу того, чтобы в качестве своего родного граждане республики указывали не русский, а белорусский язык.

Это неслучайно. Ведь данные переписи 2009 г. зафиксировали существенное снижение востребованности белорусского языка среди этнических белорусов. Во-первых, заметно сократилось число белорусов, определяющих белорусский язык как родной: в 1999 г. белорусский называли родным 85,6% людей, идентифицирующих себя как белорусы, в 2009 г. – только 60,8%. Особенностью языковой ситуации в Белоруссии как в 1999 г., так и в 2009 г. был значительный разрыв между числом людей, заявляющих белорусский язык как родной и реально использующих его в повседневном быту (прежде всего в кругу семьи). Так, в 1999 г. заявили, что разговаривают дома по-белорусски 41,3% респондентов (по-русски – 58,6%). К 2009 г. доля разговаривающих дома по-белорусски упала до 26%, а доля использующих русский возросла до 69,7%. Данные переписи 2019 г. не выявили принципиальных отличий по сравнению с ситуацией десятилетней давности (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение населения Беларуси
по родному и разговорному языку (в %)

Язык	1999 г.	2009 г.	2019 г.
Белорусский как родной	85,6	60,8	61,2
Русский как родной	14,3	37	38,1
Белорусский как разговорный дома	41,3	26	28,5
Русский как разговорный дома	58,6	69,7	71

Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/perepis-naseleniya/> (дата обращения 25.07.2024).

Таким образом, зафиксировано значительное сокращение численности людей, не только номинально идентифицирующих белорусский язык как родной, но и практикующих его в быту. Такое сокращение представляется вполне объяснимым и свидетельствует о крайне неустойчивых и поверхностных представлениях о самом понятии «родного языка». В 1999 г., очевидно,

ещё сказывались последствия периода «белорусизации» начала 1990-х гг., когда государственная политика была ориентирована на формирование установки, что родным языком белоруса может быть только белорусский. Снятие идеологического пресса государства в языковом вопросе привело к тому, что к 2009 г. многие русскоязычные белорусы предпочли в качестве родного указать реальный язык повседневного обихода, т.е. русский.

Кроме того, следует учитывать, что в советское время «родным» было принято считать язык «своей» этнической группы, независимо от того, владел или нет человек этим языком в повседневной жизни. В 2009 г. вопрос о родном языке был переформулирован в соответствии с международными нормами – как о языке, который был первым усвоен в детстве. Очевидно, такая формулировка также сыграла свою роль в резком падении числа респондентов, назвавших белорусский родным языком. В ходе переписи 2019 г. эта формулировка была сохранена.

А вот резкое сокращение (с 41 до 26%) доли бытового употребления белорусского языка вызывает вопросы. Как представляется, 10 лет – недостаточный срок, чтобы привести к столь существенным сдвигам в языковой практике, особенно на уровне домашнего обихода. Отчасти это может быть объяснено естественной убылью старшего поколения сельских жителей, преимущественно использовавших разговорный белорусский язык. Однако здесь, как представляется, наблюдается не только изменение реальной языковой практики, но и сдвиг в восприятии языка. Важным языковым сегментом в Республике Беларусь является «трасянка» – сельское и отчасти городское (преимущественно среди людей рабочих специальностей) просторечие, включающее многие белорусские диалектные особенности, но отличное от литературного белорусского языка. Переписи это явление не отражают, поскольку говорящие на «трасянке» предпочитают относить её либо к русскому, либо к белорусскому языку. Как представляется, значительная доля респондентов, заявивших в 1999 г., что общаются дома на белорусском, имели в виду именно «трасянку»; к 2009 г. многие из них уже сказали, что общаются дома на русском, понимая под этим всё ту же «трасянку». Причины этого сдвига описаны нами выше: инерция «белоруси-

заторских» установок в 1999 г. обуславливала определение «трасянки» как белорусского языка; к 2009 г. ослабление «идеологического эха» белорусизации и высокий престиж русского языка побуждали идентифицировать «трасянку» уже в качестве этого последнего.

В целом представляется, что данные о повседневном использовании белорусского языка существенно завышают все три переписи⁷⁸. В реальной практике бытовое русскоязычие в Белоруссии является повсеместным, а ареал «трасянки», которую с очень большой натяжкой можно выдать за белорусский язык, стремительно сокращается. Таким образом, налицо тенденция, когда понятие «родного языка» всё больше ассоциируется с реальным языком повседневного бытового общения, а не с «титულным» языком национальности.

Корень языковой проблемы в современной Белоруссии заключается в том, что реальная ситуация не соответствует господствующей национальной концепции. Белорусский национальный миф является в своей базе этническим и языковым, т.е. основанным на убеждении, что в фундаменте белорусской нации как политической общности лежит общность этническая, основанная на особой культуре и языке. Без языка нет нации – это символ веры белорусского национализма.

Агрессивный прозападный национализм рассматривает преобладание русского языка в бытовом обиходе, а также сам его статус как государственного наравне с белорусским, как ненормальное, противоестественное состояние. А итоги референдума 1995 г., когда граждане высказались за предоставление русскому и белорусскому языку равного статуса, воспринимаются как результат «манкуртизации» белорусов, забвения их национальных корней. Соответственно, миссия националистов – это возрождение подлинной в их понимании национальной культуры и идентичности, основанных исключительно на белорусском языке.

В рамках языковой политики белорусского государства, не-

⁷⁸ Соколов А.С. Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 г. в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения // Демографическое обозрение. 2022. №9. С. 61-103.

смотря на формально равный статус русского и белорусского языков, символический приоритет отдаётся последнему как национальному. Примерами такого подхода являются абсолютное преобладание белорусского языка на уличных указателях и дорожных знаках, латинская транслитерация имён и фамилий в паспортах «по умолчанию» с белорусского (*Uladzimir* вместо *Vladimir*, *Dzianis* вместо *Denis*, *Sidarau* вместо *Sidorov* и т.п.), отсутствие русского языка на национальной валюте и т.п. Объяснения в транспорте также делаются преимущественно на белорусском. Ещё одна новация – транслитерация топонимов и названий улиц на русский с белорусского языка. В результате в русскоязычном обиходе появляются такие названия, как улица Гаспадарчая (Хозяйственная), Першамайская (Первомайская), Перамоги (Победы), Будаўніков (Строителей) и т.п. Весь этот комплекс мер зачастую называют «мягкой белорусизацией», которая заключается в повышении символического статуса белорусского языка и расширении его присутствия в общественной жизни, но без открытых ограничений в отношении русского.

Однако белорусские националисты считают все эти меры недостаточными, указывая на то, что пока русский язык остаётся государственным, он всё равно будет «глушить» и вытеснять белорусский. Своя логика в этом есть. Действительно, исторический опыт показывает, что «малые» языки, оказавшиеся в тени «больших», как правило, ассимилируются последними, особенно в случае их близкого родства. Именно поэтому практически все малые нации, отделившиеся от империй, проводили последовательную политику административной дискриминации и вытеснения бывшего «имперского» языка. Так, становление чешской нации сопровождалось ограничениями и притеснениями немецкоязычного населения, что дало повод Гитлеру для вторжения в Чехословакию. Итогом стала тотальная депортация судетских немцев. По тем же причинам прибалтийские государства сначала избавились от немецких элит, а сегодня ограничивают права русскоязычного населения. Малым языкам действительно сложно конкурировать с «большими» без создания для них тепличных условий со стороны государства, что так или иначе предполагает ограничения и дискриминацию в отноше-

нии языка-конкурента. Но даже это далеко не всегда помогает.

В случае с Белоруссией и Украиной ситуация осложняется крайне высокой степенью лингвистического родства всех восточнославянских говоров и диалектов. Если в случае с чехами или коренным населением Прибалтики глубокое этноязыковое отличие от доминирующих имперских элит было очевидно, то в царской России белорусское и украинское население причислялось к «господствующему» русскому этносу, а сам дискурс об «угнетении» белорусов и украинцев со стороны русских было весьма проблемно обосновать. Близость белорусских и украинских диалектов к русскому литературному языку, а также общая литературная традиция, восходящая к временам древней Руси, делали сомнительной необходимость национально-языкового обособления этих территорий от России, и местным националистам приходилось действовать в постоянном противоборстве со сторонниками идеи общерусского единства. Ситуация изменилась после Октябрьской революции, когда доктрина триединого русского народа была объявлена «шовинистической», а вся культурная и гуманитарная сфера в Белоруссии и на Украине была отдана в руки националистически настроенной интеллигенции.

Однако в рамках СССР политика украинизации и белорусизации, направленная на создание герметичных в языковом плане этнических наций, имела лишь ограниченный успех. Если на Украине украинизация оказалась достаточно успешной для преимущественно аграрных центральных и западных областей, то в Белоруссии, пережившей масштабную индустриализацию и урбанизацию, белорусский литературный язык практически не вышел за рамки узкой прослойки гуманитарной интеллигенции, а население, мигрируя в города, стихийно перестраивалось с сельских говоров на русский язык. Но эти процессы так и не были осмыслены. Сохраняется определённое противоречие между повсеместной распространённостью русского языка в белорусском обществе и концепцией белорусов как особой этноязыковой общности.

События 2020 г. наглядно показали, что белорусские националисты готовы взять реванш за свой проигрыш в 1994–1995 гг., что будет не только означать возвращение националистиче-

ского нарратива в его наиболее радикальных версиях в качестве господствующей государственной идеологии, но и отказ от официального двуязычия с последующей дискриминацией русскоязычного большинства по украинскому образцу. Так, одной из инициатив оппозиционного кандидата В. Бабарико, которую он выдвинул во время президентской кампании 2020 г., было возвращение конституции 1994 г., которая предусматривала статус государственного только для белорусского языка.

Чтобы избежать опасных манипуляций на языковой почве, необходимо концептуальное осмысление широкого распространения русского языка в Белоруссии и его роли в жизни белорусского общества. Как показано выше, распространение русского языка в качестве основного средства общения было связано не только с ассимиляцией белорусских сельских диалектов вследствие урбанизации и индустриализации, но и с тем, что жёсткой границы между белорусскими говорами и русским языком никогда не существовало, и на бытовом уровне они, как правило, воспринимались как разные стилевые регистры одного языка.

Само столкновение двух языковых моделей (белорусский как самостоятельный язык и белорусский как региональная разновидность русского) связано со сложным пограничным положением Белоруссии. Изначальная близость восточных славян, сложившаяся ещё в древнерусский период, позволяла осмыслять всё многообразие их диалектов как варианты одного языка и говорить о белорусах, малороссах и великороссах как о триедином русском народе.

Вместе с тем долгое нахождение белорусских земель в составе Литвы и Польши обусловило их диалектное своеобразие, в том числе за счёт проникновения в местные говоры большого числа польских заимствований. Эти особенности белорусских диалектов ещё сохранялись на рубеже XIX–XX вв., особенно в западных областях, пограничных с Польшей и Литвой, и в начале XX в. начинаются попытки преобразовать эти говоры в самостоятельный литературный язык.

Однако белорусский язык сразу же оказался в условиях острой конкуренции с русским, который к тому времени уже сложился как развитый городской язык с устоявшейся литературной

традицией и терминологией. В условиях нахождения в едином государстве и формирования устойчивых социально-экономических связей с Россией в Белоруссии попросту не мог сформироваться массовый запрос на культурно-языковое обособление.

Белоруссии удалось избежать соблазнов воинствующего этнического национализма и опасности скатывания к украинскому сценарию, где вопросы языка и исторической памяти стали основой для гражданской конфронтации и вылились в противостояние с Россией. В отличие от Украины, в Белоруссии стремились идти путём компромисса, выстраивая собственную национальную субъектность не в ущерб отношениям с Россией и тесным культурным, историческим, языковым связям с ней.

Современная Беларусь в большей степени соответствует модели не этнической, а гражданской нации, преимущественно русскоязычной, сознающей тесную связь своих исторических судеб с Россией и в то же время утверждающей себя как самостоятельный национально-политический субъект. Соответствующим образом произошло и функциональное распределение ролей между белорусским и русским языками: русский как основной язык повседневного обихода и белорусский как символический маркер национальной субъектности.

Вместе с тем нельзя забывать, что в условиях обостряющегося противостояния с Западом историческая память, национальная идентичность и язык остаются полем информационной и идеологической борьбы, и Белоруссия как страна, находящаяся на переднем крае этого конфликта, будет подвергаться подобным угрозам в первую очередь.

ГЛАВА 5. БЕЛОРУССКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Сбросив бремя второй сверхдержавы, Россия в первые годы после распада СССР рассчитывала встроиться в возглавляемый Западом миропорядок в качестве его равноправного участника или как минимум младшего партнёра. Этим объясняется в целом спокойное отношение Москвы к геополитической переориентации бывших союзников СССР. В 1990-е гг. рассуждения о возможном присоединении России к ЕС и НАТО были в по-

рядке вещей.

На Западе эту перспективу, однако, видели по-другому. Во-первых, здесь сохранялось недоверие к России как к крупнейшей ядерной державе и потенциальному конкурирующему геополитическому центру. В первую очередь это касалось ЕС, который де-факто стал формой франко-германского доминирования на континенте. Постсоциалистическая Восточная Европа оказалась зоной экономического освоения преимущественно Германией, которая объективно не была заинтересована в сохранении тесных кооперационных связей этого региона с Россией. К. Зегберс пишет: «В странах Восточной Европы, где после 1989 г. шёл процесс строительства нации-государства и возникали новые государства, их роль, казалось бы, возрастала. Однако на деле, начиная с 1990-х годов, она (в этом регионе, как и везде) была в структурном и сущностном отношении ослаблена»⁷⁹. О выборе национальной модели развития и проблемах этого выбора писал Е.Т. Гайдар: «Европейская ориентация позволила восточноевропейским странам решить проблемы переходного периода импортировать политическую и социальную стабильность, но в долгосрочной перспективе сократила свободу манёвра в выработке национальной стратегии развития»⁸⁰.

Думается, это одна из причин активного распространения заострённо антисоветских и антироссийских нарративов в Восточной Европе – с их помощью идеологически оформлялся не только политический, но и экономический развод с Россией.

Европейский союз был заинтересован в поставках дешёвых российских ресурсов, но не в усилении РФ как альтернативного геополитического и экономического центра у собственных границ. Поэтому основой западной политики в отношении России весь постсоветский период оставалась доктрина «сдерживания», направленная на максимальное сокращение зоны геополитического влияния РФ как в Европе, так и на постсоветском пространстве. Частью этой стратегии было включение в ЕС и НАТО стран Восточной Европы и Прибалтики. Одна из целей

⁷⁹ Зегберс К. Сшивая лоскутное одеяло... // Pro et Contra. 1999. Т. 4, №4. С. 69.

⁸⁰ Гайдар Е.Т. Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. 2004. №9. С. 22.

расширения НАТО и ЕС была связана с необходимостью стабилизации восточноевропейских режимов. «Никто не может точно предсказать, окажутся ли политические режимы восточной части Европы устойчивыми. Однако перспектива расширения Европейского союза и общественные решения политических элит вселяют определённую надежду, что, по крайней мере, в ближайшем будущем не стоит ждать революций»⁸¹.

Когда эта задача была выполнена, Запад активизировал свои усилия на постсоветском пространстве, и одним из центральных направлений стала Белоруссия. С точки зрения Запада, Белоруссия должна была выступить одним из элементов стратегического «сдерживания» России, что подразумевает максимальное ослабление политико-экономических связей с Москвой и ориентацию на западные центры.

Многовекторная политика стала отличительной чертой многих постсоветских республик после распада СССР. Под «многовекторностью» традиционно понимают стремление малых государств к балансированию между разными центрами силы, не примыкая ни к одному из них. Понятие «многовекторной политики» используется и российской дипломатией в значении выстраивания партнёрских и равноправных отношений с другими «великими державами». В этом смысле многовекторность может рассматриваться как важный элемент многополярного мирового порядка, к которому стремится Москва. В частности, многовекторная политика упоминается в разных редакциях Концепции внешней политики России.

Для Беларуси многовекторность – это попытка практического наполнения теории реализма, одной из господствующих в международных отношениях как науке. В соответствии с традициями реализма Россия и Беларусь доказывали необходимость сохранения если не ялтинско-потсдамской системы, то хотя бы её основных институтов. Ал.А. Громько писал: «Наша обеспокоенность не была услышана, и в результате мир в начале XXI в. во многом превратился из вместилища надежд и ожиданий в средё, наполненную возросшими рисками и угрозами»⁸². Думается,

⁸¹ Моисеенко А.О. Политическая культура в посткоммунистической Европе: установки в новых демократиях // Политическая наука. 2006. №3. С. 199-206.

⁸² Громько Ал.А. О насущном: Европа и современный мир. М.; СПб: Нестор-

это относится к обеспокоенности как Москвы, так и Минска.

Всё происходящее, в т.ч. глобальная неопределённость, имеет множество объяснений, анализ которых выпадает за рамки задач данной главы. Ограничимся выводом: «До 2010-х гг. Европа жила в этом глобальном мире – апогее неолиберальной модели глобализации, которая к настоящему времени во многом канула в Лету»⁸³. Программный тезис, написанный в 2017 г., спустя пять лет можно признать как аксиому. Понимание этого обстоятельства пришло в Москву и Минск практически одновременно, что, в свою очередь, стимулировало интеграцию не только через её внутренний потенциал, но и через внешнее воздействие. Опасность деструктивных сценариев подталкивала интеграцию.

С распадом СССР, когда бывшие союзные республики получили внешнеполитический суверенитет от Москвы, многовекторная политика стала для них инструментом выстраивания своих отношений с Россией и другими внешнеполитическими игроками. С одной стороны, это был способ для местных элит закрепить свой суверенитет от бывшего союзного центра в лице Москвы за счёт уравнивания её влияния при помощи других геополитических центров, прежде всего Запада. С другой – высокая зависимость экономик стран бывшего СССР от кооперации с Россией побуждала их делать определённые реверансы в адрес Москвы в расчёте на сохранение разнообразных льгот и преференций «по старой памяти».

«Золотым веком» многовекторности на всём постсоветском пространстве можно считать 1990-е гг. и первую половину 2000-х гг., когда ослабленная Россия была погружена во внутренние проблемы, а Запад был занят «перевариванием» постсоциалистической Восточной Европы. Кроме того, на многовекторность своих соседей Москва долгое время смотрела снисходительно, поскольку сама рассчитывала на сближение и интеграцию с западным миром.

Ситуация начала меняться с середины 2000-х, когда стала окончательно ясна иллюзорность идеи «большой Европы от Лиссабона до Владивостока», и отношения между Россией и Запа-

История, 2017. С. 12.

⁸³ Громько Ал.А. Европейская культура – силы притяжения и отталкивания // Общественные науки и современность. 2022. №3. С. 10.

дом начали возвращаться в привычное русло конкурентной конфронтации. Как следствие, поле для многовекторного маневрирования бывших республик СССР стало стремительно сокращаться, и здесь выяснилось, что на поверку многовекторность оказалась ничем иным, как способом их «мягкого» дрейфа на Запад.

Под многовекторной ширмой происходило накачивание постсоветских обществ западными НКО и агентами влияния, осуществлявшими переформатирование общественного сознания в духе «европейского выбора». Результатом этих изменений стал снос многовекторных режимов и их замена вполне недвусмысленно прозападными.

Именно такое геополитическое «самоопределение» произошло в Грузии, на Украине и в значительной степени в Молдове. Армению от схода с многовекторной траектории в пользу Запада не удержала даже конфронтация с Азербайджаном и Турцией и необходимость сохранения российского силового зонтика. Впрочем, после разгромной для Еревана военной кампании 2020 и 2023 гг. в Нагорном Карабахе и здесь наблюдается тенденция к окончательным уступкам в карабахском вопросе в пользу Азербайджана в обмен на гарантии безопасности и геополитический зонтик коллективного Запада.

Что касается Азербайджана и стран Центральной Азии, то здесь западное влияние оказывается относительно слабым в силу культурной и географической дистанции, а также уравновешивается присутствием других геополитических центров – Турции и Китая, что и по сей день сохраняет более широкое пространство для балансирования.

Республика Беларусь не стала исключением из общего правила в своём стремлении проводить многовекторную политику, балансируя между Россией и другими геополитическими центрами. Многовекторность рассматривается белорусским политическим и экспертным сообществом как важный инструмент укрепления суверенитета и национальной безопасности страны. В то же время, развитие белорусской многовекторности имело ряд специфических особенностей, обусловленных общей спецификой развития страны в постсоветский период.

Белоруссия оказалась единственным государством на запад-

ном фланге бывшего СССР, чьё руководство вступило в затяжной конфликт с Западом. В отличие от других постсоветских стран западного пояса с их нестабильными «олигархическими демократиями», дававшими питательную среду для развития прозападных структур гражданского общества, в Беларуси сложился персоналистский режим, не совпадающий с общей тенденцией на вестернизацию. Это предопределило затяжной конфликт белорусского руководства с западным миром и его геополитическое позиционирование в качестве «единственного союзника» России. При этом опасения официального Минска очутиться в положении сателлита Москвы не особо скрывались и подталкивали белорусское руководство к многовекторности.

В середине 2000-х гг., в условиях сохраняющейся конфронтации с ЕС и США официальный Минск попытался сделать ставку на «государства дальней дуги» в качестве противовеса как России, так и Западу. Этот период отметился дипломатической активностью Минска в рамках Движения неприсоединения, а также стремительным сближением Беларуси с Венесуэлой Уго Чавеса.

Следует отметить, что это сближение происходило на фоне обозначившегося кризиса Союзного государства России и Белоруссии, когда Москва и Минск оказались не в состоянии договориться по поводу дальнейшего формата интеграции. Политический кризис в отношениях двух стран усугублялся обострением споров по поводу цен на энергоносители для Белоруссии. В этих условиях последней было важно продемонстрировать свою экономическую самостоятельность и доказать, что зависимость от российских энергоносителей не является критической, а альтернативу российской нефти при желании можно найти на мировом рынке. В частности, в рамках сотрудничества с Венесуэлой Белоруссия приобрела у этой страны несколько танкеров с нефтью, что широко освещалось белорусскими СМИ. Эта политика, однако, не принесла желаемых экономических результатов, и с конца 2000-х гг. Минск начал наращивать западный и китайский векторы. Взаимодействие с Венесуэлой довольно быстро уходит из белорусской внешнеполитической повестки, особенно после смерти У. Чавеса.

Отношения Белоруссии с Западом пережили несколько волн потепления и охлаждения. В 1991–1994 гг. Белоруссия, как и другие постсоветские республики, интенсивно наращивала контакты с Западом. Это был период наибольшего влияния прозападно-националистических сил в республике. Своеобразным символом и апогеем этого этапа внешней политики Белоруссии можно считать визит в Минск президента США Билла Клинтона в январе 1994 г. Он стал триумфом и одновременно лебединой песней С.С. Шушкевича в качестве спикера Верховного Совета и формального главы белорусского государства.

В то же время на фоне прозападных манёвров С.С. Шушкевича правительство В.Ф. Кебича, озабоченное критической ситуацией в белорусской экономике, стремилось сохранить тесные кооперационные связи с Россией. Уже в 1993 г. Кебич подписал соглашение о валютном союзе с РФ. В качестве кандидата в президенты свою предвыборную программу он выстроил на основе идеи более тесной интеграции с Москвой, играя в той же «пророссийской» электоральной нише, что и А.Г. Лукашенко.

Таким образом, даже в этот период, несмотря на общий всплеск националистических настроений и очевидный прозападный крен внешней политики, единства по поводу «западного выбора» не было ни среди элит, ни в обществе.

С приходом к власти А.Г. Лукашенко начинается быстрое ухудшение отношений официального Минска с Западом. С нашей точки зрения, вина за это практически целиком лежит на партнёрах Беларуси. В 1994–1996 гг. ещё сказывалась инерция предыдущего периода, когда власти Белоруссии пытались поддерживать конструктивные отношения с Западом и выполнять взятые ранее на себя обязательства. В частности, в этот период с территории Белоруссии было окончательно выведено советское ядерное оружие. Об этом шаге А.Г. Лукашенко впоследствии неоднократно публично сожалел. Однако на Западе вплоть до 2023 г. считалось, что за этими словами ничего не стоит.

После событий осени 1996 г., когда в Белоруссии был установлен суперпрезидентский режим, отношения с Западом перешли в стадию «зámороzков», которые продлились примерно до 2008 г. Запад встал на позицию непризнания произошедшей в

Белоруссии конституционной реформы, объявив А.Г. Лукашенко «последним диктатором Европы» и сделав ставку на поддержку националистической оппозиции.

Конфронтация с Западом существенно ограничила для А.Г. Лукашенко пространство для внешнеполитического манёвра и, по сути, подтолкнула его к более тесному сближению с Россией, которая стала гарантом выживания создаваемой белорусским президентом политической системы. Все основные интеграционные договорённости с Москвой, включая Договор о создании Союзного государства, были подписаны в 1996–1999 гг. на фоне стремительного ухудшения отношений Белоруссии с Западом. Причинно-следственная связь между этими двумя процессами представляется достаточно очевидной.

Потепление в отношениях с Западом случится только в 2008–2010 гг. К этому времени станут очевидными многочисленные противоречия между Белоруссией и Россией, а также пробуксовка Союзного государства. Со своей стороны, на Западе к этому времени осознают устойчивость политического режима А.Г. Лукашенко и бесперспективность его свержения при помощи односторонней поддержки националистической оппозиции и попыток осуществить «цветную революцию».

Вместо этого делается ставка на постепенное вовлечение Белоруссии в сети западного влияния путём контактов с белорусским политическим классом и усилением его прозападного крыла. Со временем это должно было привести к своего рода «революции сверху», т.е. западнической трансформации белорусской политической системы не через уличный протест (условный «майдан»), а через усилия самого правящего класса.

В Минске к этому времени также пришли к выводу, что сближение с Западом необходимо для уравнивания «опасного» влияния России и экономической зависимости от неё. Основным событием этого периода стало формальное присоединение Белоруссии к европейской инициативе «Восточное партнёрство», направленной на расширение присутствия ЕС на постсоветском пространстве и дальнейшее ослабление влияния России.

Конечно, в рамках «Восточного партнёрства» Белоруссия всегда числилась среди «отстающих», и эффективность её уча-

ствия в этой инициативе оценивалась в ЕС достаточно скептически. Кроме того, между ЕС и Белоруссией возникали периодические трения, например, из-за требований участия белорусской оппозиции в парламентской ассамблее «Восточного партнёрства» Евронест. Однако нельзя забывать, что отношения Белоруссии с Западом в конце 2000-х гг. в принципе стартовали с очень низких позиций по сравнению с той же Украиной или Грузией, где западное влияние росло экспоненциально весь постсоветский период, а к рассматриваемому времени уже сложился отчётливый прозападный консенсус элит. В Республике Беларусь ничего подобного не было.

Следует также учитывать интересы региональных восточноевропейских игроков в отношении Белоруссии. В первую очередь, речь идёт о Польше – государстве с давними геополитическими амбициями в Восточной Европе⁸⁴. Применительно к Польше, Литве и Латвии в контексте отношений с Беларусью возникла ситуация, при которой ««второстепенные герои» заявили о своём праве влиять на развитие сценария»⁸⁵. Для Польши управляемая конфронтация с Беларусью (классическим средним европейским государством) – ключевой элемент стратегии регионального лидерства. Этот элемент предполагает относительно предсказуемые и просчитанные риски, что принципиально отличает потенциальный конфликт с Беларусью от нестабильных отношений с Украиной, также способных эволюционировать в направлении военного противостояния.

Риски прямого военного нападения Польши на Беларусь не представляются значительными. Более вероятен сценарий случайного инцидента, перерастающего в локальный конфликт низкой интенсивности. Нагнетание напряжённости на границе с Беларусью – часть польской долгосрочной стратегии по усилению её военно-политических позиций в регионе, а также форма внутривосточной борьбы⁸⁶.

⁸⁴ Шимов В.В. Белоруссия как объект польской внешней политики // Современная Европа. 2023. №6. С. 26-37.

⁸⁵ Буторина О.В. Европейский союз: модель для сборки // Россия в глобальной политике. 2004. №6. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evropejskij-soyuz-model-dlya-sborki/> (дата обращения 11.12.2022).

⁸⁶ Межевич Н.М. Милитаризация Польши и некоторые проблемы безопасно-

В этой связи на каком-то этапе отношения с Литвой рассматривались Беларусью как альтернатива и противовес Польше. В этом была своя логика. «Белорусский фактор» в экономике Польши трудно было назвать определяющим исходя из масштабов польской экономики. Но и обеспечение полной загрузки Клайпеды без белорусских грузов невозможно в принципе, что показали события 2021–2023 гг. При этом ещё раз согласимся с Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Беларусь в Литовской Республике В. Дражиным: «Сотрудничество в области транспорта и транзита между Беларусью и Литвой носит комплексный, обоюдовыгодный характер. Для придания системности работе по повышению транзитной привлекательности наших стран, согласования подходов в реализации новых проектов, решения проблемных вопросов создана и действует под руководством министров транспорта Беларуси и Литвы совместная рабочая группа по взаимодействию в транзитно-транспортной сфере»⁸⁷.

Однако ставка на экономический прагматизм в отношениях с Литвой не сработала. Для Вильнюса в отношениях с Беларусью всегда был определяющим идеологический, а не экономико-прагматический фактор. Политика Литвы в отношении Беларуси всегда в целом разделяла идеологические установки, характерные для Варшавы. Это стало особенно очевидным после событий 2020–2022 гг., когда Литва заняла открыто конфронтационную позицию в отношении восточного соседа, солидаризируясь в этом подходе с Польшей.

Под зонтиком коллективного Запада Варшава, иногда вместе с Вильнюсом, стремится выстраивать систему собственного геополитического доминирования, которая так или иначе апеллирует к исторической памяти о Речи Посполитой – государстве, ставшем символом польского могущества. «Каждый игрок в сложившейся ситуации лоббирует свои интересы: Польша планирует “вестернизацию” Беларуси, она хотела бы поставить под контроль её внутреннюю и внешнюю политику, у Литвы эти ин-

сти Союзного государства // Аналитические записки ИЕ РАН. 2023. №29. С. 54.

⁸⁷ Дражин В. Беларусь – Литва: сотрудничество крепнет // Экономика Беларуси. 2010. №3. С. 76.

тересы чуть уже... В этой связи задачи у Российской Федерации несколько иные, но тем не менее она тоже верна своим национальным интересам, которые заключаются в максимальном углублении интеграции с нашей республикой, сохранением стабильности, поддержанием здесь социального и политического равновесия»⁸⁸. Иными словами, российские интересы в данном случае совпадают с белорусскими. В этом и есть секрет успешности нашей интеграции.

Уточним причины особого отношения Варшавы к странам, возникшим на восточных землях бывшей Речи Посполитой. В своей традиционной версии этот миф носит открыто империалистический характер, т.е. предполагает непосредственное «возрождение» Речи Посполитой если не в границах 1772 г. (год первого раздела), то хотя бы в границах второй, межвоенной Речи Посполитой 1921–1939 гг. Конечно, в современном мире подобный подход выглядит старомодным и избыточно конфликтогенным. Кроме того, он не одобряется коллективным Западом, баланс сил в рамках которого основан на принципе неприкосновенности послевоенных границ.

Поэтому на смену ему пришла т.н. доктрина Гедройца – Мерошевского, рождённая в послевоенный период в кругах польских диссидентов. Эта доктрина исходит из того, что Польша должна признать независимость стран, возникших на восточных землях Речи Посполитой (УЛБ – Украина, Литва, Беларусь). Более того, Польше следует всячески способствовать укреплению суверенитета этих стран с целью ослабления в них российского влияния.

В рамках доктрины Гедройца – Мерошевского Польша предстаёт главным оператором демократизации и европеизации стран УЛБ. По сути, это более мягкая версия польского регионального доминирования, адаптированная к реалиям послевоенной Европы, когда возникла данная доктрина, и вполне актуальная в рамках современного ЕС⁸⁹.

⁸⁸ Громыко Ал.А. Беларусь как арена геополитического противоборства. 20.10.2020. URL: <http://www.format-a3.ru/events/event-523/> (дата обращения 20.06.2024).

⁸⁹ Mieroszewski Juliusz. Rosyjski «Kompleks Polski» i obszar ULB // Kultura 9. 1974. №312. P. 3-14.

Своеобразным развитием доктрины Гедройца – Мерошевского можно считать и концепцию «Междуморья» – альянса стран востока и юга Европы между Балтийским, Чёрным и Адриатическим морями, где Варшава также претендует на духовное и политическое лидерство⁹⁰. После распада социалистического лагеря доктрина Гедройца, по сути, стала мировоззренческой основой польской «восточной политики». Де-факто доктрина работает на закрепление польского политического, культурного и идеологического доминирования среди стран УЛБ⁹¹.

Активная работа Польши с гражданским обществом Белоруссии, а также поддержка белорусского национализма вполне укладываются в эту схему. Таким образом, в Белоруссии формируются проводники польского влияния и интересов. Белорусский национализм складывался в среде сильно полонизированной белорусской шляхты по лекалам польской культуры, поэтому его распространение и популяризация среди белорусов также работают на сближение Белоруссии с Польшей. В этой связи поляки весьма снисходительно смотрят на попытки «белорусизации» польских исторических и культурных деятелей – выходцев с территории Белоруссии: Адама Мицкевича, Тадеуша Костюшко, Михала Огинского, Станислава Монюшко и прочих. В конечном счёте, это способствует формированию общего белорусско-польского смыслового и символического пространства и размыванию ментальной границы между белорусами и поляками.

Помимо идеологических и символических, Польша активно задействует и экономические инструменты, способствуя трудовой эмиграции белорусов, тем самым формируя цепочки зависимости на межличностном и семейном уровне. Кроме того, Польше удаётся быть в глазах белорусов убедительной историей успешной постсоциалистической трансформации и выступать в качестве примера для подражания.

⁹⁰ Piotr Cieplucha. Prometeizm i koncepcja Międzymorza w praktyce polityczno-prawnej oraz dyplomacji II 13 RP // *Studia Prawno Ekonomiczne*. 2014. Vol. 93. P. 39-40 (całość 39-55).

⁹¹ Przemysław Waingertner Jerzego Giedroycia idea ULB – geneza, założenia, próby realizacji. Zarys 3 problematyki // *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX Wieku*. 2015. Vol. 15. P. 143-159; Iwona Hofman. Aktualność wschodnich koncepcji Jerzego Giedroycia // *Wschód Europy*. 2018. Vol 4, №2. P. 53-63.

Конечно же, Варшава работает и с теми, кто сохраняет польскую идентичность, и стремится увеличить их число. Сегодня в Белоруссии насчитывается 287 тыс. поляков (данные переписи 2019 г.), в основном проживающих в Гродненской области. Однако идентичность – вещь подвижная и изменчивая, особенно в пограничных областях, и при определённых обстоятельствах число тех, кто готов считать себя поляками, может существенно возрасти.

Так, на сегодняшний день Белоруссия является лидером по количеству выданных карт поляка. По состоянию на 2019 г., было выдано 143 тыс. таких карт гражданам Белоруссии. Для сравнения: на Украине их число составляет 120 тыс. при существенно большем населении. На 3-м месте с большим отрывом идёт Литва – около 8 тысяч. Карта поляка является важным проводником национальных интересов Польши. Она формализует польскую идентичность её обладателя и формирует лояльность к польскому государству, давая целый набор прав и привилегий на территории Польши. Особенно удобна она для работы с молодёжью, которая получает возможность обучаться в Польше, где в процессе образования прививается определённое мировоззрение.

Понятно, что такие люди с двойной лояльностью даже иногда помимо собственной воли могут становиться проводниками польских интересов на территории государств-соседей. Карта поляка – важный инструмент «мягкой силы» Варшавы на территориях бывшей Речи Посполитой. Таким образом, в постсоветский период Белоруссия оказалась фактически на геополитическом разломе, возникшем вследствие пересекающихся и конкурирующих влияний России и Запада.

«Оттепель» в отношениях с Западом конца 2000-х гг. сменилась «заморозками» после президентских выборов 2010 г., вылившихся в беспорядки в белорусской столице из-за призывов оппозиционных кандидатов выходить на улицу и не признавать победу А.Г. Лукашенко. Результатом стали аресты лидеров белорусской оппозиции, что было воспринято на Западе крайне негативно. Но «похолодание» продлилось недолго, и уже в 2012–2013 гг. наметилась новая тенденция к «потеплению».

Звёздный час белорусской многовекторности наступил по-

сле 2014 г., когда Минск дистанцировался от поддержки Москвы в украинском кризисе и предложил себя в качестве переговорной площадки и «донора региональной стабильности» для урегулирования конфликта в Донбассе. Между Минском и Западом произошёл своего рода символический размен – белорусские власти отпустили на свободу лидеров оппозиции, которых на Западе считали политическими заключёнными, а Запад снял с Белоруссии значительную часть санкций, введённых ещё с 1996 г.

В 2016–2020 гг., помимо европейского, резко усилился американский вектор белорусской политики. При президенте Д. Трампе отмечалась небывалая активность дипломатических контактов между Белоруссией и США, а Минск посетили такие высокопоставленные фигуры, как госсекретари Дж. Болтон и М. Помпео. На фоне очередных споров между Москвой и Минском по поводу поставок российской нефти США попытались разыграть нефтяную карту, предложив Белоруссии альтернативные поставки. В Минске это предложение было встречено с энтузиазмом. На конец 2020 г. был запланирован обмен послами между Белоруссией и США, впервые с 2008 г., когда уровень дипломатического представительства был взаимно понижен. Все эти процессы сопровождались активным развёртыванием западной сети влияния, которая уже успела выступить могильщиком многовекторных режимов во многих постсоветских странах.

События августа 2020 г. стали кульминацией затянувшейся оттепели в отношениях Белоруссии и коллективного Запада. Результаты всей предыдущей политики по сближению с последним оказались обнулены в считанные месяцы. В определённом смысле Белоруссия вернулась в реалии 1996–1997 гг., когда на фоне нарастающей изоляции со стороны Запада единственным гарантом выживания белорусской политической модели становится союз с Россией.

В связи с политическим кризисом в Белоруссии, разразившимся после президентских выборов 2020 г., заговорили о конце многовекторной политики официального Минска. Его отношения со странами Запада после августа 2020 г. становятся всё хуже. Белорусский МИД сокращает дипломатическое присутствие в недружественных Минску странах и вступает в публичные

пикировки с Госдепом США. Инцидент с самолётом *Ryanair*, принудительно посаженным в аэропорту Минска, напряжённость на границе Белоруссии с Литвой и Польшей из-за резко увеличившегося потока нелегалов, в организации которого Вильнюс и Варшава обвинили белорусскую сторону, угрозы белорусских властей перекрыть транзит товаров из Германии в Россию и Китай – такова краткая хронология событий в отношениях между Западом и Белоруссией 2020–2022 гг.

В этот период оказалась существенно подорванной и экономическая основа прежней многовекторной политики. Сближение официального Минска с ЕС и его сателлитами долгое время основывалось на логистической зависимости белорусского экспорта от портов Прибалтики и Украины. Кроме того, Украина была третьим торгово-экономическим партнёром Белоруссии после России и ЕС. Однако в 2020–2022 гг. эти связи по инициативе западной стороны оказались практически оборванными, в результате чего белорусский транзит был переориентирован на Россию, тем самым экономически подкрепляя восточный разворот внешней политики Белоруссии. Наконец, начало специальной военной операции на Украине, появление на территории Белоруссии российских воинских контингентов и размещение тактического ядерного оружия, казалось бы, окончательно закрывают перед Минском возможности многовекторного балансирования образца 2014–2020 гг.

Крах прежнего многовекторного курса стал шоком для прозападной части белорусского экспертного сообщества, многие представители которого не только находились в оппозиции к А.Г. Лукашенко, но и могли долгое время занимать руководящие должности в государственных структурах.

В настоящее время большинство этих людей покинули республику и выступают на западных экспертных площадках с негативными оценками и прогнозами внутри- и внешнеполитической ситуации в Белоруссии. Вкратце смысл этих оценок сводится к акценту на теме «политических репрессий» после кризиса 2020 г., негативным прогнозам социально-экономического развития республики из-за западных санкций и сворачивания торгово-экономических связей с ЕС, а также рассуждениям на

тому раскола и поляризации белорусского общества между сторонниками и противниками президента. Применительно к белорусско-российским отношениям подобные экспертные оценки сводятся к констатации растущей политической и экономической зависимости Белоруссии от России, которая оценивается крайне негативно и описывается в терминах «мягкой аннексии»⁹². Очевидно, что стремление вернуть прежний многовекторный курс, хотя бы в ограниченном виде, по-прежнему поддерживается определённой частью белорусского политического и экспертного сообщества.

Однако насколько это реально в условиях, когда Запад сам уже не очень верит в возможность оторвать Минск от Москвы? Григорий Иоффе, профессор, аналитик Фонда Джеймстауна, в статье, опубликованной на оппозиционной медиаплощадке, указывает: «Решение воспринимать Беларусь как продолжение России особенно контрпродуктивно. Оно не только умышленно игнорирует имеющиеся доказательства обратного, но и неумолимо превращается в самоисполняющееся пророчество»⁹³.

Более интересной является версия о том, что «украинский кризис и жёсткая реакция России стали одним из факторов изменения политики Запада в отношении Республики Беларусь»⁹⁴.

Таким образом, в отношении Беларуси на Западе противостоят две линии. Первая – радикальная линия «бури и натиска», направленная на форсированное смещение А.Г. Лукашенко и «демократизацию» Беларуси с приводом к власти «европейски ориентированных» сил. Вторая – умеренный политический реализм, направленный на долгую игру и вовлечение белорусской элиты в западные сети влияния. До середины 2020 г. побеждала умеренная линия, однако после неудачной попытки цветной революции белорусская эмиграция, увлекаемая идея-

⁹² См., напр.: П. Слюнькин, А. Шрайбман, Ф. Биканов., Г. Коршунов, Л. Львовский. Беларусский трекер перемен. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/belarus/20407.pdf> (дата обращения 27.09.2023).

⁹³ Иоффе Г. Политика Запада в отношении Беларуси: имеет ли она смысл? URL: https://www.russiapost.info/politics/west_belarus (дата обращения 27.09.2023).

⁹⁴ Сутырин В.В. Внешнеполитический контур российско-белорусских отношений. Российская Федерация и Республика Беларусь перед общими вызовами: российский взгляд. Аналитический доклад. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2016. С. 54.

ми личной мести, активно продвигала радикальную повестку, которая стала доминирующей и для всего коллективного Запада. Конечно же, эта линия ещё более ошибочная и, кроме того, основана на десоверенизации Беларуси перед Западом... Примечательно, что об этом пишут люди, чья лояльность действующей белорусской власти является предметом для дискуссии⁹⁵.

Западу важна не «демократизация» Беларуси, хотя вся риторика западных политиков построена именно на этом. «Демократические» достижения южной соседки Беларуси, Украины, сделавшей «европейский выбор», более чем сомнительны, однако на систематические нарушения Киевом прав и свобод человека никто на Западе не обращает внимания. Главная цель Запада – стратегическое сдерживание России, а для этого не так важно, какие именно режимы находятся у власти в сопредельных с ней странах. Не оправдался прогноз о том, что «... отношения в треугольнике Белоруссия – Россия – Евросоюз будут развиваться, скорее всего, без серьёзной эскалации»⁹⁶.

Сравнивая ситуацию на Украине и в Беларуси, отметим, что в первой через «цветную революцию» удалось утвердить радикально прозападный псевдodemократический режим, который, будучи внешне плюралистическим, жёстко зачистил всю прооссийскую политическую нишу в стране. В Беларуси такая революция не получилась, поскольку для её успеха нужен слабый, коррумпированный и внутренне расколотый режим наподобие режима Януковича, а не консолидированная автократия с лояльным и мощным силовым аппаратом.

В 2014 г. Запад отказался от попыток смещения действующей власти через улицу и взял курс на внутреннюю трансформацию политической системы республики через вовлечение в «прагматическое» сотрудничество и многовекторность, наращивая взаимодействие с белорусскими элитами и гражданским обществом. При этом от А.Г. Лукашенко не требовали каких-то радикальных политических преобразований – достаточно было

⁹⁵ Прейгерман Е. Ложная аналитическая парадигма подрывает политику Запада в отношении Беларуси. 06.10.2023. URL: <https://blog.politics.ox.ac.uk/wrong-analytical-lenses-undermine-the-wests-belarus-policy/> (дата обращения 20.06.2024).

⁹⁶ Басов Ф.А. Развитие отношений Евросоюза и Белоруссии // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, №9. С. 74.

минимального соблюдения «приличий» (в западном понимании). Но Европа не сделала и этого. Сегодня эта схема кажется безнадежно разрушенной.

Все предыдущие циклы «заморозков» и «потеплений» в отношениях Белоруссии и Запада происходили на фоне относительно конструктивных отношений последнего с Россией.

Именно этот фон был залогом относительной успешности белорусской многовекторности. Россия, делавшая ставку на тесное экономическое сотрудничество с Западом и отказавшаяся от жёсткого противостояния с ним, смотрела на западнические устремления своих соседей и союзников весьма спокойно. Это было верно и для периода 2014–2020 гг., когда тенденция к ухудшению российско-западных отношений стала очевидной, но ещё не перешла критическую черту.

После начала СВО на Украине конфронтация России и Запада перешла на качественно новый уровень, что сводит возможности геополитического маневрирования для пограничных промежуточных государств практически к нулю. Это особенно верно для Белоруссии, которая оказалась фактически в эпицентре и на переднем рубеже геополитического противостояния.

Сегодня Белоруссия уже адаптировала свою внешнюю политику к принципиально новым условиям, которых ни разу не было за весь период независимости. В этой связи видоизменяется и концепт многовекторности. Официальный Минск по-прежнему не отказывается от самой идеи многовекторной политики, однако вынужден наполнять это понятие новым содержанием.

Сегодня внешняя политика Белоруссии, при однозначной ориентации на союз с Россией, строится также на развитии отношений с незападными странами (в белорусской терминологии государствами дальней дуги), прежде всего Китаем. Белоруссия – одна из первых постсоветских стран, которая сделала акцент на развитии отношений с КНР, когда это ещё не было общепризнанной тенденцией. Первоначально отношения с Китаем рассматривались как элемент многовекторного балансирования и противовес влиянию как России, так и Запада. Сегодня этот подход можно считать устаревшим, и в своей ориентации на стратегическое партнёрство с Китаем Россия и Белоруссия едины.

Присоединение Белоруссии к Шанхайской организации сотрудничества в качестве наблюдателя, а также подача Минском заявки на вступление в БРИКС указывают на заинтересованность в более широких форматах международного сотрудничества в Евразии и в мире в целом.

Таким образом, сегодня формируется новая архитектура белорусской внешней политики, в основе которой лежит союз с Россией, а также партнёрство с государствами дальней дуги. Прежняя логика многовекторной политики, основанная на стремлении балансировать между Россией и Западом, взаимно уравновешивая их влияние, в новых условиях геополитической конфронтации оказалась несостоятельной.

ГЛАВА 6. СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ФОРМАТ ПОСТСОВЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Союзное государство России и Белоруссии – уникальный интеграционный формат на постсоветском пространстве. Это наиболее амбициозный и далеко идущий проект по заявленным целям и задачам – не просто интеграционное объединение, но именно Союзное государство. Столь тесная интеграционная связь с РФ является ещё одной уникальной чертой развития Белоруссии в постсоветский период. Союзное государство – важный фактор не только внешней, но и внутренней политики Белоруссии, поэтому наш анализ без разговора о Союзном государстве был бы неполным.

Рассмотрим некоторые вопросы теории интеграции с привязкой к собственно белорусской проблематике. Классическое определение интеграции дано О.В. Буториной: «В рамках неофункционализма интеграция – коллективное средство решения практических задач. При этом национальные власти могут делегировать органам союза исполнительные полномочия, но не суверенитет. Население, видя полезность союзных институтов, признаёт их и проявляет к ним лояльность»⁹⁷. Обратим внима-

⁹⁷ Буторина О.В. Интеграция в стиле фанк // Россия в глобальной политике.

ние, О.В. Буторина делает крайне важную оговорку об общественном признании (для российско-белорусской интеграции это очень значимо). Общественное признание интеграции в нашем случае не просто есть, а является основой общественного и государственного консенсуса.

Понятие «интеграция» происходит от латинского *integratio*, что дословно переводится как «воссоединение, восполнение». Применительно к сфере межгосударственных отношений оно означает добровольное и взаимовыгодное объединение отдельных частей (субъектов) в некую самостоятельную целостность (общность). Понимание термина «интеграция» предполагает очевидное содержание – получение целого из каких-либо частей. Однако возникает вопрос: если интеграция – «это создание и поддержание интенсивных и разносторонних систем взаимодействия между ранее автономными частями»⁹⁸, то в какой степени это относится к отношениям России и Беларуси, ранее частей единого государства? Вероятно, перед нами какой-то особый случай.

С позиций экономической теории вопрос о движущих силах интеграции не закрыт. Достаточно долго доминировало представление о том, что интеграция «развивается на базе интернационализации всей общественной жизни, ускоряемой научно-техническим прогрессом, возрастания взаимозависимости народов и государств»⁹⁹. Такая трактовка смыкается с ещё одной версией: «Движущей силой интеграции может стать только экономик. Потребность в интеграции (то есть в объединении) отдельных сфер деятельности возникает лишь при определённом уровне развития кооперации хозяйственных комплексов государств, когда уже только общая политика относительно той или другой сферы деятельности обеспечивает конкурентоспособность её на мировом рынке»¹⁰⁰.

2007. №5, сентябрь – октябрь. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/integracziya-v-stile-fank/> (дата обращения 11.09.2023).

⁹⁸ Wallace W. *The Dynamics of European Integration*. London: Pinter, 1990. P. 9.

⁹⁹ Политология: Энциклопедический словарь // общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Из-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. С. 122.

¹⁰⁰ Кузнецова Л.И., Кузьменко В.П. С позиций осторожного оптимизма. URL: http://www.niurr.gov.ua/ru/publication/economy/Kuz_optymism_ru.htm (дата обращения 20.06.2024).

Такие подходы имеют право на существование, т.к. базируются на рациональной модели организации экономической деятельности. Однако экономические события 2022–2024 гг. свидетельствуют о том, что поведение экономических акторов может быть далеко от рационального. По мере роста конкуренции и отказа от права, а затем и правил, рынки начинают закрываться, протекционизм растёт. Становится очевидным, что интеграция «запускается» не только глобализацией, содержание которой в 2024 г. не ясно, но и очевидным стремлением к регионализации. Ответы на вопросы: «почему группировки развивающихся стран обычно не продвигаются выше стадии таможенного союза и, тем не менее, продолжают существовать десятилетиями; почему создание Европейского валютного союза не стало фактором продвижения ЕС к следующей стадии интеграции – политическому союзу»¹⁰¹ на самом деле очевидны – рост конкуренции внутри экономического союза в сочетании с внешним воздействием создаёт условия для возврата к классическому протекционизму.

Рассматривая вопросы теории, следует отметить, что интеграция сама по себе не может быть целью, она может быть только средством. Цель – обеспечение эффективного социального и экономического развития, политической стабильности внутри страны и справедливого миропорядка.

России и Беларуси было необходимо своё, по возможности большое, интеграционное поле. На каком-то этапе вариант интеграции Евразийского союза с Европейским казался реальным и стал предметом обсуждения. Попытки Белоруссии предложить Западу идею «интеграции интеграций» были обречены на провал. Брюссель устраивала только капитуляция Минска. «Условия интеграции надо оговаривать на равноправной основе между равными партнёрами, а не навязывать по принципу “бери что дают”»¹⁰². Но именно это и не устраивало Брюссель. На определённом этапе попытки выстраивания взаимовыгодных отноше-

¹⁰¹ Буторина О.В. Цели региональной интеграции: современное понимание // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, №10. С. 12.

¹⁰² Мюллерсон Р. Европа: американцев – в дом, русских – вон. Валдай клуб, 17.05.2016. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evropa-amerikantsev-v-dom-russskikh-von/> (дата обращения 20.06.2024).

ний были прекращены. Провал проекта «интеграции интеграций» был очевиден к 2013–2014 гг., при том что ещё в 2012 г. сохранялся некоторый оптимизм по данному вопросу. «Эффективная модель постсоветского регионализма не препятствует интеграции его участников с ЕС – напротив, она могла бы стать инструментом, расширяющим возможности для такого сотрудничества»¹⁰³.

У европейской интеграции был блестящий старт и отличное продолжение, её провал стал неизбежен после того, как в результате какой-то сложной эволюции целью стала не евроинтеграция, а движение к ней с непонятной методикой пространственного расширения в сочетании с внутренним осложнением и бюрократическим обездвиживанием. Для этого «внутри ЕС образовались особо плотные связи взаимозависимости, которые создали предусловия для возникновения принципа добровольной передачи суверенитета»¹⁰⁴.

Проблемы экономической интеграции в конце XX – начале XXI в. стали одной из наиболее обсуждаемых тем как в Европе, так и на постсоветском пространстве. В Европе в начале 1990-х гг. был осуществлён переход к новому качеству интеграции, кроме того, в 1995–2004 гг. произошло удвоение количественного состава крупнейшего интеграционного объединения. Ещё один важный момент: указание на слабость как интеграционный стимул. Интеграция может быть актуализирована стремлением к региональной безопасности. Как подчёркивает П. Жербэ, «одним из основных импульсов к объединению Европы послужило признание слабости по отношению к внешнему миру... Когда Европа почувствовала угрозу извне, необходимость европейского единения стала очевидной»¹⁰⁵. С нашей точки зрения, текущий кризис на Украине был инициирован Брюсселем именно для того, чтобы придать новый «силовой» стимул евроинтеграции.

В любом случае проблемы европейской интеграции сегодня очевидны. Прежняя модель европейской экономической и поли-

¹⁰³ Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция. Санкт-Петербург: Центр интеграционных исследований, 2012. С. 167.

¹⁰⁴ Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнёрства» // Центр восточноевропейских исследований. Вильнюс, 2012. С. 13.

¹⁰⁵ Gerbert, P. La construction de l'Europe, 3-eme ed., Paris: Imprimerie nationale, 1999. P. 31.

тической интеграции исчерпала себя. Рассматривая вопрос о причинах данного явления, следует отметить, что перед нами, во-первых, кризис европейской идеи, а во-вторых, кризис конкретной практики реализации этой идеи в политической, экономической, идеологической и военной сферах.

Приведём корректное и выверенное мнение А.А. Кубрина, заместителя Государственного секретаря Союзного государства: «Сегодня мы наблюдаем, как меняется бывшая комфортная Европа. Эти изменения имеют большое значение для России, Беларуси, Союзного государства»¹⁰⁶. Характер изменений достаточно очевиден. Европейская модель экономической и политической организации становится менее привлекательной. Белорусская и российская экономические модели становятся более привлекательными, причём не как региональные примеры организации экономических и политических систем, а как модели мирового ранга. Разумеется, эта эволюция – долгий и сложный процесс с очевидным волнообразным характером. Его основа – совместная эволюция российской и белорусской модели, т.е. развитие Союзного государства.

После распада СССР новые независимые государства почти сразу же приступили к формированию собственных национальных стратегий социально-экономического развития. Разрыв межреспубликанских связей существенно ухудшил экономическое положение всех без исключения республик бывшего СССР. Спад производства в некоторых отраслях, которые были частью единого народнохозяйственного комплекса СССР, достигал 80%. Общей для всех проблемой была острая нехватка ресурсов для модернизации экономики и осуществления рыночных реформ.

Отметим, что «СССР изначально создавался и десятилетиями позиционировался как интеграционный проект, его прекращение, независимо от причин, бросало тень на любой проект постсоветской интеграции»¹⁰⁷. «На наших глазах развёртывается

¹⁰⁶ Европейские исследования и современные международные отношения. Аналитический обзор выступлений участников конференции «Европейские исследования: политика, экономика, безопасность» 26 апреля 2023 г. в рамках Форума «Россия, Европа, мир» / отв. ред. Ал.А. Громыко. М.: ИЕ РАН; Изд-во «Весь Мир», 2023. С. 9.

¹⁰⁷ Межевич Н.М., Шамахов В.А. После 30 лет постсоветской интеграции.

масштабный эксперимент, связанный с восстановлением тех основ социально-экономической и политической модели, которые доказали свою эффективность на предшествующем этапе»¹⁰⁸.

Пройдя более чем 30-летний путь, СНГ переживает непростые времена, однако при этом не самому Содружеству, но производным от него институтам и организационным формам удаётся сохранять возможности для дальнейшего позитивного развития и накапливать ресурсы для решения сложных проблем входящих в СНГ суверенных государств. «Обилие юридически необязательных двухсторонних соглашений наряду с систематическим применением исключений и межправительственным характером интеграции привело не только к тому, что СНГ не смогло трансформироваться в реальное экономическое образование с высоким уровнем интеграции и элементами наднационального управления, но и помешало в рамках СНГ возникнуть реальному политическому союзу»¹⁰⁹.

Вместе с тем «логику “многоскоростной” интеграции можно охарактеризовать так: государства “ядра” углубляют интеграцию между собой, усиливают переговорную позицию в отношениях с неприсоединившимися странами и таким образом подталкивают/принуждают другие государства к присоединению»¹¹⁰. Именно этим путём пошла интеграция в Союзном государстве.

Российская Федерация и Республика Беларусь первыми начали реальное интеграционное взаимодействие, организовав Союзное государство России и Белоруссии. Прообразом данного объединения является Сообщество Белоруссии и России, оформленное в 1996 г., которое предполагало политическую и экономическую интеграцию с целью объединения материального и интеллектуального потенциала двух государств. В том же году было принято решение о формировании общего Парламентского собрания. В 1997 г. Сообщество было преобразовано в Союз

Почему потери заметны, а приобретения не так очевидны? // Международная жизнь. 2021. №12. С. 27.

¹⁰⁸ Межевич Н.М. Теоретические предпосылки и практические возможности российско-белорусского сотрудничества // Международная жизнь. 2022. №5. С. 29.

¹⁰⁹ Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств ... С. 5.

¹¹⁰ Так же.

России и Белоруссии, были сформированы Высший совет и Исполнительный комитет Союза. Парламентское собрание Сообщества было преобразовано в Парламентское собрание Союза. Далее, до 2000 г. был создан ряд комитетов и подписаны некоторые договоры о равных правах граждан РФ и РБ.

Сейчас достаточно сложно сказать, каковы были изначальные перспективные планы России и Беларуси в контексте двусторонней интеграции в конце прошлого века. Понятны были стартовые условия, предпосылки интеграции: «В последние более чем 200 лет наша республика теснейшим образом связана с Россией в сферах политики, экономики, культуры, религии и т.д. После Второй мировой войны Беларусь была превращена в “сборочный цех” СССР. В результате экономической политики КПСС Беларусь стала не только одним из наиболее развитых регионов “одной шестой части суши”, но и попала в прочную зависимость от поставок и рынков России»¹¹¹. Отрицать эту зависимость было бы некорректно. Отметим, однако, что сам по себе факт зависимости не имеет исходно положительного или отрицательного значения. Канада зависит от США; Новая Зеландия – от Австралии; Португалия – от Испании. Следует ли из этого, что взаимная зависимость – угроза? С нашей точки зрения – нет.

Исторически оправданным стало решение о последовательной интеграции: «в своей интеграции РФ и РБ ранее сделали ставку не на скорость, а на вызревание предпосылок для реального объединения»¹¹². Укажем на то, что именно так начиналась и европейская интеграция. Другой вопрос связан с тем, что в начале XXI в. Европа от этой модели отказалась.

Сегодня Союзное государство России и Беларуси – это экономический и политический, а также военный союз, причём значение последнего неуклонно возрастает. «Как никогда востребованы их (России и Беларуси) потенциал и способность смягчить внутренние и внешние негативные факторы в развитии госу-

¹¹¹ Шадурский В. Беларусь – Европейский союз: ответственное соседство // Балтийский курс. Лето 2003. URL: <http://www.baltkurs.com/new/rus/index.htm?read=216> (дата обращения 20.06.2024).

¹¹² Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции. Аналитический доклад. М.: Ассоциация внешнеполитических исследований им. А.А. Громыко, ИЕ РАН, 2022. С. 4.

дарств-членов, необходимость доказать свою востребованность и эффективность для участвующих в интеграции народов»¹¹³.

Конечно, интеграция в рамках Союзного государства не могла не столкнуться с рядом проблем. Одной из них было то, что Беларусь в рамках своей внешней политики долгое время продолжала оперировать практикой многовекторности в понимании середины 1990-х гг. Разумеется, иерархия организационных приоритетов менялась при неизменности общих ценностных ориентиров. Так, президент Беларуси уже в более поздний период выражал определённые сомнения по поводу перспектив Союзного государства, отдавая приоритет ЕАЭС. Однако событийный блок, связанный с пандемией и конфликтом между Россией и Украиной, в сочетании с практически очевидным мировым кризисом, повысили ценность двусторонних договорённостей, которые быстрее достигаются и легче контролируются. При этом «...двустороннее сотрудничество не лишено проблем: разрозненность нормативно-правовой базы, в том числе технических регламентов, “разнонаправленность” предпочтений (субсидий), которые, действуя, например, для российских предприятий на территории РФ, на белорусские предприятия не распространяются (и наоборот). Кроме того, у многих российских предприятий возникали (и по сей день возникают) проблемы с получением расчёта из Беларуси за ранее поставленную продукцию. Ещё одной важной проблемой является возврат налога на добавленную стоимость при осуществлении внешнеторговых операций»¹¹⁴.

Набор действий и планов на среднесрочную перспективу был понятен лишь в целом и определён экономикой и уже начинавшими проявляться военно-политическими угрозами. При этом Россия изначально тяготела к попыткам строить большой евразийский союз. В результате созданные институты ЕАЭС, по существу, представляют собой баланс между объективной необходимостью интеграции и объективными же ограничениями для неё, обусловленными несовпадающими интересами стран-участ-

¹¹³ Европа в кризисном мире / отв. ред. Ал.А. Громько. М.: ИЕ РАН, 2022. С. 10.

¹¹⁴ Терехова С.В., Иванов С.Л., Щербин В.К. Актуальные проблемы сотрудничества предприятий России и Белоруссии: взгляд из региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, №4. С. 280.

ниц. Причины этих несовпадений определены экономической и политической спецификой участвующих в ней государств, особенностями их геополитического и геоэкономического положения¹¹⁵. Тарифные, энергетические, нефтяные и газовые споры сопровождали практику строительства Союзного государства долгие десятилетия. Однако акцентирование внимания на этих проблемах несколько заслоняло то, что вся история европейской интеграции – это постоянные торговые споры. Сказанное не отрицает наличия проблем. Притчей во языцех стала проблематика «налогового манёвра» России и его последствия для Беларуси.

Как и следовало предполагать, некоторыми разногласиями России и Беларуси активно воспользовались наши оппоненты. Наименее реалистичные подходы к анализу российско-белорусского взаимодействия демонстрируют европейские аналитические центры. Брайан Уитмор отмечал в 2019 г.: «Между 2000 и 2015 гг. российский вклад составлял в среднем 15% белорусского ВВП. С 2015 г. он сократился, и сейчас это только 5%»¹¹⁶. Правда, источником этих феноменальных расчётов, не имеющих аналогов как среди оппозиции, так и в органах власти Беларуси, Б. Уитмор не поделился. Впрочем, и редакция «Коммерсанта», размещая заказной материал, никак не доказала цифры, ограничившись эмоциональным и откровенно некорректным заголовком.

Тактические разногласия проявлялись в относительно благоприятные периоды экономического и политического развития и были, скорее, реакцией на внутреннюю конъюнктуру. Сегодня внешние вызовы приобрели абсолютно уникальный характер как для России, так и для Беларуси. Парадоксально эти вызовы обеспечили не направления интеграции, давно известные, а её скорость, способствуя решению одной из основных наших общих проблем.

Многие проблемы связаны с тем, что в конце прошлого ве-

¹¹⁵ Постсоветские страны в процессах международной регионализации в 2010–2020 гг.: ожидания, итоги, новые тенденции. Колл. научный доклад / под ред. Л.Б. Вардомского. М.: Институт экономики РАН, 2021. С. 8.

¹¹⁶ Диктатор в отчаянии. Это даёт нам потрясающие возможности // Коммерсантъ, 21.11.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4164990> (дата обращения 21.06.2024).

ка предполагалось, что жители двух стран станут гражданами общего Союзного государства, где будут функционировать наднациональные союзные исполнительные органы, союзный парламент, общая валюта. Это зачастую порождало завышенные ожидания полного объединения России и Беларуси в единое государство. В то же время белорусская сторона всегда настаивала, что не пойдёт на ограничение собственного суверенитета в рамках Союзного государства. Иными словами, возможный вариант – конфедерация, но никак не федерация. Непонимание этого обстоятельства было характерно для ряда российских и белорусских экспертов¹¹⁷.

Россия и Белоруссия подошли к 2020 г. с самым большим багажом взаимных разногласий за все годы существования всех форм интеграции. И наиболее существенные для реальной интеграции задачи не реализованы до сих пор. Среди них можно упомянуть:

- введение единой денежной единицы; унификация налогового законодательства и проведение единой налоговой политики;
- формирование общего рынка ценных бумаг и создание учреждений по эмиссии ценных бумаг и регулированию фондового рынка;
- объединение энергетической и транспортной систем; формирование общего рынка услуг связи.

Промедление в реализации каждого из указанных пунктов имело свои причины, в основе которых зачастую было отсутствие единого мнения сторон. Например, отказываясь от эмиссии собственной валюты, Белоруссия предполагала получить денежную компенсацию, против чего выступила российская сторона¹¹⁸; согласия по налоговой политике не получилось из-за нежелания белорусской стороны переходить на российскую систему подоходного налога, что существенно ухудшило бы положение малообеспеченных слоёв населения Белоруссии¹¹⁹; энер-

¹¹⁷ Шишков Ю. Ещё раз о приверженцах Союзного государства // Мировая экономика и международные отношения. 2011. №3. С. 85-88.

¹¹⁸ Рябов Б. Введение единой валюты в Союзе России и Белоруссии: проблемы и перспективы // Вопросы экономики. 2004. №10. С. 129-140.

¹¹⁹ Единая налоговая политика РФ и Белоруссии подразумевает единство под-

гетические конфликты 2006–2007 и 2010 гг., связанные с оспариванием цен на поставку газа для Белоруссии и оплатой транзита газа в Европу, также свидетельствуют об отсутствии единой системы энергетического транспорта.

Это были ключевые экономические проблемы взаимодействия двух стран в экономической сфере¹²⁰. Они признаются сторонами и активно решаются в текущих условиях нарастающей неопределённости в отношениях участников Союзного государства и ЕС.

Констатация наличия проблем не меняет оценки союзной интеграции как наиболее удачного проекта постсоветской интеграции. Несмотря на все проблемы и сложности, само по себе создание Союзного государства России и Белоруссии стало колоссальным по своему геополитическому значению шагом: Республика Беларусь получила опору в экономической и военной сферах в лице союзной России, а Российская Федерация, преодолев негативную инерцию распада начала 1990-х, сохранила свою целостность, вновь став центром геополитического притяжения на всём постсоветском пространстве. При этом «Беларусь и Россия несут взаимные союзнические обязательства, опираясь на общую идею безальтернативности эволюционного пути развития, открытости мировому опыту, недопустимости силовых способов решения международных проблем, вмешательства извне»¹²¹.

Внешние угрозы для Москвы и Минска не оставляют места для вариантов «третьего пути». «Или совместная победа, или общее поражение»¹²². Этот момент, безусловно, сказался на всех направлениях сотрудничества РФ и РБ. При этом вектор интеграции изначально рассматривался в России и Беларуси как объективно возможный и привлекательный. В этом, вероятно, уникальность российско-белорусской интеграции. Именно поэтому

ходов к налогообложению // Новости Беларуси. Политика. Экономика, 17.01.2002. URL: <http://afn.by/news/i/14571> (дата обращения 21.06.2024).

¹²⁰ Николок С. Конец белорусского «чуда» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. Т. 108, №2. С. 77-85.

¹²¹ Громыко Ал.А. Российско-белорусское сотрудничество: время стратегических решений // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 5-й Международной конференции (3-4 февраля 2022 г., Москва). М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2022. С. 76-81.

¹²² Межевич Н.М. Теоретические предпосылки... С. 37.

при подведении промежуточных итогов интеграции было заявлено, что «по итогам встречи глав России и Беларуси в Москве, которая состоялась 17 февраля 2023 г., стороны заверили, что 28 программ Союзного государства выполнены на 80%, Минск выполняет 100% договорённостей с Москвой в сфере обороны и безопасности»¹²³. Столь «круглые» цифры могут вызывать определённое беспокойство и сомнения, однако тенденция ясна, и успех Союзного государства очевиден даже для большинства оппонентов.

Оно стало уникальным и наиболее амбициозным интеграционным проектом на постсоветском пространстве. Геополитические коллизии последнего времени (начиная с 2020 г.) позволили Москве и Минску существенно сблизить свои позиции и преодолеть многие существовавшие ранее противоречия.

В то же время высокие интеграционные ожидания, заложенные в Договоре о создании Союзного государства, во многом остаются нереализованными. Союзное государство должно было стать де-факто конфедерацией, в рамках которой Россия и Беларусь, сохраняя формальный суверенитет, фактически создают единое политическое, экономическое и правовое пространство. Реализовать на практике эту модель до сих пор не удалось, поскольку не получилось решить, пожалуй, главную дилемму белорусско-российской интеграции: как обеспечить равенство и суверенитет её субъектов при колоссальной разнице их масштабов?

Нельзя забывать и о возмущающих влияниях на Союзное государство конкурирующих интеграционных проектов, в первую очередь ЕС и его инициативы «Восточное партнёрство». На сегодняшний день участие Белоруссии в европейских инициативах заморожено, однако очевидно, что ЕС и далее намерен препятствовать сближению Москвы и Минска в рамках Союзного государства и, более того, приложит все возможные усилия, чтобы обернуть его вспять.

¹²³ Мухаева М.С. Внешнеполитические векторы Республики Беларусь на фоне противостояния со странами Запада: роль Союзного государства и Шанхайской организации сотрудничества // Управление и политика. 2023. Т. 2, №1. С. 43.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт постсоветской трансформации Республики Беларусь уникален и не похож на опыт других республик западного пояса бывшего СССР. Постсоветское развитие прибалтийских стран, Украины и Молдавии шло по во многом сходному сценарию с теми или иными местными вариациями: геополитическая переориентация на Евро-Атлантику, деиндустриализация и формирование квазидемократических плюралистических режимов, ограниченных жёсткими идеологическими рамками прозападно-националистического консенсуса. Белоруссия выбивается из этого ряда не только особенностями своего политического режима, но и преобладающим вектором геополитического развития.

Белорусская специфика обусловлена как объективными, так и субъективными факторами. К объективным следует отнести то, что в советский период в Белоруссии сложился мощный индустриальный комплекс, ориентированный преимущественно на Россию и российские сырьевые и энергетические ресурсы. При этом, в отличие от тех же прибалтийских стран, в Белоруссии не возник значительный низовой запрос на демонтаж этой экономической модели без учёта его социально-экономических издержек.

Это, в свою очередь, было связано с тем, что белорусский этнический национализм как идеологическая основа прозападной трансформации оказался слишком слабым и не имеющим достаточной социальной базы. Между тем именно этнический национализм во всех постсоветских республиках становился основой геополитического дрейфа от России и разрушения не только политических, но и экономических связей с ней.

Белоруссия, которая подобно всем другим союзным республикам, кроме РСФСР, создавалась как этнонациональное государство с титульной нацией, де-факто таковой и не стала. К началу 1990-х гг. белорусское общество было преимущественно русскоязычным, не ставившим жёсткого барьера между собой и Россией. Это обстоятельство – одно из ключевых для понимания внутренней и внешней политики Республики Беларусь в постсоветский период.

Не менее важным, чем объективные, является и субъективный фактор. Речь, прежде всего, идёт о личности президента А.Г. Лукашенко, которая определяет политическое развитие Белоруссии практически весь постсоветский период. Сильный харизматический лидер с ярко выраженной волей к власти оказался в состоянии направить развитие своего государства по сценарию, не характерному для всего остального региона.

Во многом именно благодаря личной воле А.Г. Лукашенко стали возможны такие вещи, как отказ от жёсткого националистического курса и придание русскому языку статуса государственного (Беларусь – единственное государство, кроме России, где у русского языка есть этот статус), создание Союзного государства и «консервативный» социально-экономический курс, направленный на поддержание ориентированного преимущественно на Россию индустриального комплекса.

Для понимания значимости личностного фактора достаточно сравнить постсоветскую эволюцию Белоруссии и Украины, где также имелись значимые социальные, экономические и культурно-языковые предпосылки для сценария, аналогичного белорусскому. Однако «украинского Лукашенко» не нашлось, а Л.Д. Кучма, который в 1994 г. пришёл к власти одновременно с А.Г. Лукашенко и под сходными лозунгами, в итоге предпочёл другой путь.

Созданная при А.Г. Лукашенко политико-экономическая система оказалась в конфликте с западным региональным порядком, установившимся в Восточной Европе. Для коллективного Запада была неприемлемой фигура харизматичного лидера, ориентированного на сохранение кооперационных связей с Россией. Белорусская экономика, не прошедшая через деиндустриализацию и массовое «высвобождение» излишков рабочей силы, также плохо вписывалась в архитектуру, выстраиваемую ЕС на востоке Европы.

Неустранимость этих базовых противоречий привела к тому, что все попытки официального Минска уклониться от конфликта с Западом и даже выстроить с ним некое конструктивное взаимодействие при сохранении особенностей белорусской модели оказались безуспешными.

В 2014–2020 гг. в условиях обострения противоречий между Россией и Западом из-за конфликта на Украине Белоруссия пыталась остаться над схваткой, играя роль нейтрального посредника («донора региональной стабильности» в терминологии белорусского МИД). События 2020 г., когда Запад, воспользовавшись политическим кризисом в Белоруссии, попытался столкнуть её на типичный для западного пояса бывшего СССР путь, положили конец этому курсу.

После начала СВО на Украине Белоруссия оказалась вписана в новую геополитическую конъюнктуру в качестве основного и фактически единственного союзника России в Европе, и именно это будет определять её дальнейшее развитие в обозримой перспективе.

Основные вызовы и угрозы, с которыми сталкивается Белоруссия на нынешнем этапе, связаны с предстоящим транзитом власти и неизбежной трансформацией персоналистской модели, которая сложилась при А.Г. Лукашенко.

Очевидно, что политический транзит в Белоруссии – вопрос ближайших 10–15 лет. В этой связи возникает вопрос: насколько успешно белорусский правящий класс сможет обеспечить стабильное функционирование государства и преемственность курса в условиях отсутствия сильного харизматичного лидера и осуществить перераспределение его полномочий и функций в рамках институтов?

Подготовка к транзиту уже идёт. Об этом говорит конституционная реформа, начатая в 2022 г., по итогам которой значительная часть полномочий президента перейдёт новому органу – Всебелорусскому народному собранию. На подготовку к транзиту указывает и процедура перерегистрации партий, в результате которой из 15 ранее существовавших осталось только 4. Однако весьма вероятно, что им может быть отведено более весомое место в политической системе, чем это было ранее.

Политический транзит в Белоруссии будет проходить в условиях крайне напряжённой и конфликтной внешнеполитической конъюнктуры. Очевидно, что Запад постарается использовать переходный период, чтобы взять реванш за провал 2020 г. и, таким образом, окончательно устранить «белорусскую анома-

лию», приведя к власти прозападный националистический режим, типичный для постсоциалистической Восточной Европы.

России критически важно не допустить подобного сценария. Это значит, что Белоруссия как стратегический союзник должна оставаться в фокусе внимания российского политического и экспертного сообщества.

Не менее важна поддержка белорусских реформ и, более того, синхронизация белорусских и российских реформ. «Решением проблемы повышения конкурентоспособности мог бы стать переход от патерналистской, квазиресурсной модели развития экономики к постиндустриальной и инвестиционной, но исходя из специфики историко-культурных условий страны, отметим, что даже при такой эффективности экономического развития запрос на реформы будет в среднесрочной перспективе достаточно скромным и не затрагивающим её ключевые характеристики»¹²⁴.

Беларусь за 33 года своего развития превратилась в классическую постиндустриальную страну, где ВВП опирается не только на вполне эффективные промышленность и сельское хозяйство, но и на сформировавшуюся практически «с нуля» сферу услуг и активную внешнеэкономическую политику.

За прошедшие годы Беларусь возникла как независимое государство, и сумела сформировать уникальную экономическую и политическую модель, востребованную абсолютным большинством белорусского общества. Некоторые признаки этой модели имеют много общего с государственным строительством в постсоветских республиках, тем не менее белорусская модель в целом представляется уникальной для современной Европы. В условиях нарастания очевидных деструктивных процессов на континенте и кризиса традиционных подходов к общественному развитию белорусская модель демонстрирует высокую степень устойчивости и потенциал для дальнейшего развития.

¹²⁴ Межевич Н.М., Межевич А.Н., Сенюк Н.М. Некоторые вопросы социально-экономического развития Республики Беларусь в контексте тенденций мирового и национального развития // Белорусоведение. Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ. Выпуск VI. 2023. С. 187.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян А.Г. Инновации в России: от высокого знания и наличия перспективных научных заделов к эффективному социально-экономическому развитию // Экономическое возрождение России. 2023. №2(76). С. 13–26.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
3. Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия // Логос. 2004. №2. С. 15–40.
4. Астапеня Р., Мацукевич П. Деградация внешней политики Беларуси и способы исправления ситуации // Аналитический документ. Фонд Ф. Эберта. Декабрь 2022. 34 с.
5. Басов Ф.А. Развитие отношений Евросоюза и Белоруссии // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, №9. С. 69–75.
6. Буторина О. Цели региональной интеграции: современное понимание // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, №10. С. 5–14.
7. Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция. Санкт-Петербург: Центр интеграционных исследований, 2012. 224 с.
8. Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста // Вопросы экономики. 1996. №12. С. 20–39.
9. Господарик Е., Ковалев М. Эволюционные изменения в белорусской модели экономического развития в VI пятилетке // Белорусская думка. 2021. №6. С. 48–57.
10. Гранберг А.Г., Суслов В.И. Коалиционный анализ много-региональных систем: теория, методология, результаты анализа (СССР накануне распада): науч. докл. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1993. 63 с.
11. Громыко Ал.А. О насущном: Европа и современный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 232 с.
12. Громыко Ал.А. Европейская культура – силы притяжения и отталкивания // Общественные науки и современность. 2022. №3. С. 7–20.

13. Гусаков В.Г. и др. Белорусская социально-экономическая модель: теория и практика. Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. Минск: Беларуская навука, 2022. 665 с.
14. Дайнеко А.Е. Геоэкономические приоритеты Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2011. 364 с.
15. Добрински Р. и др. Белорусская экономика: вызовы застопорившихся реформ // The Vienna Institute for International Economic Studies. Аналитический доклад №413. Ноябрь 2016. 172 с.
16. Дражин В. Беларусь – Литва: сотрудничество крепнет // Экономика Беларуси. 2010. №3. С. 74–79.
17. Дудек А. Экономические предпосылки интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации // Республика Беларусь между Востоком и Западом. Варшава: Варшавский Университет. Институт европоведения, 2012. С. 77–95.
18. Европа в кризисном мире / отв. ред. Ал.А. Громько. М.: ИЕ РАН; Изд-во «Весь мир», 2022. 376 с.
19. Европейские исследования и современные международные отношения. Аналитический обзор выступлений участников конференции «Европейские исследования: политика, экономика, безопасность» 26 апреля 2023 г. в рамках Форума «Россия, Европа, мир» / отв. ред. Ал.А. Громько. М.: ИЕ РАН; Издательство «Весь мир», 2023. 60 с.
20. Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В. Современные постановки прикладных межрегиональных межотраслевых моделей // Исследования многорегиональных экономических систем: опыт применения оптимизационных межрегиональных межотраслевых систем / под ред. В.И. Суслова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007. С. 29–59.
21. Ершов Ю.С. Экономика постсоветского пространства: ожидавшееся и неожиданное // ЭКО. 2016. №10. С. 24–44.
22. Зверев Ю.М., Межевич Н.М. Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы // Полис. Политические исследования. 2019. №5. С. 181–191.
23. Зегберс К. Сшивая лоскутное одеяло... (Шансы и риск глобализации в России) // Pro et Contra. 1999. Т. 4, №4. С. 65–84.
24. Иванов Ю.Н., Рябушкин Б.Т. К 90-летию первого балан-

са народного хозяйства: истоки и эволюция макроэкономической статистики России // Вопросы статистики. 2016. №4. С. 71–84.

25. Йенсен Дж. Социально-экономические модели стран Центральной Европы: перезагрузка // Современная Европа. 2018. №7. С. 30–44.

26. Кульков В.М. Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России // Экономическое возрождение России. 2014. №3(41). С. 24–31.

27. Курьянович А.В. Проекты Конституции Республики Беларусь в 1991–1993 гг.: краткий анализ // Конституция – основной закон белорусского государства и общества (к 20-летию принятия): Материалы Международной научно-практической конференции (г. Минск, 11–12 марта 2014 г). Минск: Право и экономика, 2014. С. 58–60.

28. Лацоник У. Разновидности капитализма, рыночных сил и инновационного предпринимательства // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6, №3. С. 11–45.

29. Левкович А.П. Внешний сектор национальной экономики Республики Беларусь: оценка современных условий и факторов функционирования // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2022. №3. С. 5–15.

30. Лизан И. От отчуждения к сближению. Эволюция российско-белорусских отношений после августа 2020 года. М.: Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза «Союзный нарратив 2050». 2023. 16 с.

31. Максимцев И.А., Межевич Н.М., Королева А.В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №1. С. 60–78.

32. Мацкевич В. Белорусизация: рамки и содержательное наполнение. Историческая детерминация // Белорусизация. Можно ли завершить процесс институционального строительства независимого государства? Сборник материалов конференции / под ред. А. Шутова. Вильнюс, 2014.

33. Межевич Н.М. Пространство Евразии и вызовы времени: белорусский случай // Современная Европа. 2021. №1 (101). С. 161–168.

34. Межевич Н.М. Беларусь: политические и экономические предпосылки будущего кризиса // Аналитические записки ИЕ РАН. 2020. №34.

35. Межевич Н.М. Литва и Беларусь между Сциллой и Харибдой национальных моделей постсоветского транзита // Международная жизнь. Февраль 2023. С. 54–64.

36. Межевич Н.М. Милитаризация Польши и некоторые проблемы безопасности Союзного государства // Аналитические записки ИЕ РАН 2023. №29. С. 49–54.

37. Межевич Н.М. Проблемы Союзного государства в условиях неопределённости // Европа в кризисном мире / отв. ред. Ал.А. Громыко. М.: ИЕ РАН; Изд-во «Весь Мир», 2022. С. 337–349.

38. Межевич Н.М. Республика Беларусь в системе интеграционных проектов: мнимые и реальные альтернативы? / Беларусь в современном мире: материалы XIV Международной конференции, посвящённой 94-летию образования Белорусского государственного университета, 29 октября 2015 г. Минск: Изд. центр БГУ, 2016.

39. Межевич Н.М. Теоретические предпосылки и практические возможности российско-белорусского сотрудничества // Международная жизнь. 2022. №5. С. 28–38.

40. Межевич Н.М., Сенник Н.М. Белоруссия, Прибалтика, Украина: модели позиционирования в меняющемся мире // Мир перемен. 2022. №4. С. 73–85.

41. Межевич Н.М., Шамахов В.А. После 30 лет постсоветской интеграции. Почему потери заметны, а приобретения не так очевидны? // Международная жизнь. 2021. №12. С. 24–34.

42. Межевич Н.М., Шимов В.В. Почему Беларусь не Украина? // Аналитические записки ИЕ РАН. 2022. Выпуск IV. №24. С. 13–22.

43. Моисеенко А.О. Политическая культура в посткоммунистической Европе: установки в новых демократиях // Политическая наука. 2006. №3. С. 199–206.

44. Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки. Сб. статей / Редколл.: А.С. Аникеев (отв. ред.), Т.В. Волокитина, А.С. Стыкалин. М.: Ит славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. 288 с.

45. Мухаева М.С. Внешнеполитические векторы Республики Беларусь на фоне противостояния со странами Запада: роль Союзного государства и Шанхайской организации сотрудничества // Управление и политика. 2023. Т. 2, №1. С. 33–50.

46. Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты: Сб. статей // под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Институт экономики РАН, 2016. 332 с.

47. Плавинский А.С. Куропаты: у истоков исторической сенсации. Минск: Бизнесофсет, 2019. 167 с.

48. Постсоветские страны в процессах международной регионализации в 2010–2020 гг.: ожидания, итоги, новые тенденции: Колл. научный доклад / под ред. Л.Б. Вардомского. М.: Институт экономики РАН, 2021. 70 с.

49. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Пер с англ. Н. Автономовой. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 384 с.

50. Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции: Аналитический доклад. М.: Ассоциация внешнеполитических исследований им. А.А. Громыко, ИЕ РАН, 2022. 20 с.

51. Рябов Б. Введение единой валюты в Союзе России и Белоруссии: проблемы и перспективы // Вопросы экономики. 2004. №10. С. 129–140.

52. Соколов А.С. Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 г. в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения // Демографическое обозрение. 2022. №9(4). С. 61–103.

53. Союзное государство Беларуси и России. От Сообщества к построению единого государства. М.: ЮНИТИ, 2017. 591 с.

54. Сутырин В.В. и др. Внешнеполитический контур рос-

сийско-белорусских отношений Российская Федерация и Республика Беларусь перед общими вызовами: российский взгляд. Аналитический доклад. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2016. 61 с.

55. Сухарев О.С. Институционально-структурные факторы экономического развития: М.: Институт экономики РАН, 2015.

56. Теребова С.В., Иванов С.Л., Щербин В.К. Актуальные проблемы сотрудничества предприятий России и Белоруссии: взгляд из региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, №4. С. 266–284.

57. Улиарис С. Что такое экономические модели? Как экономисты пытаются моделировать действительность // Финансы и развитие. Июнь 2011. С. 46–47.

58. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 424 с.

59. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.

60. Чесновский М.Э. Внешняя политика республики Беларусь в контексте европейской интеграции // Беларусь в меняющемся мире: история и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 22 февр. 2019 г. Минск: БГУ, 2019. С. 30–40.

61. Шамахов В.А., Максимцев И.А., Межевич Н.М. Внешнеэкономические связи России и Беларуси: объективные возможности и субъективные препятствия развития // Управленческое консультирование. 2019. №10. С. 8–16.

62. Шамахов В.А., Межевич Н.М. Суверенитет vs развитие. Экономика Беларуси в контексте актуальных тенденций мирового развития // Управленческое консультирование. 2020. №6. С. 10–20.

63. Шевцов Ю.В. Объединённая нация. Феномен Беларуси. М.: Европа, 2005. 256 с.

64. Шимов В.В. Белоруссия как объект польской внешней политики // Современная Европа. 2023. №6. С. 26–37.

65. Шимов В.Н. Развитие экономики Беларуси: состояние, проблемы, абрис перспективной трансформации // Белорусский экономический журнал. 2014. №2. С. 4–15.

66. Шишков Ю. Ещё раз о приверженцах Союзного государства // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. №3. С. 85–88.
67. Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе /отв. ред. К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН, 2022. 193 с.
68. Grigory Ioffe. Reassessing Lukashenka: Belarus in cultural and geopolitical context. Basingstoke, Hampshire, Palgrave Macmillan, 2014. 305 pp.
69. Hellman J. S. *Winners Take All* // *World Politics*. 1998. №50. P. 203–234.
70. Iwona Hofman. Aktualność wschodnich koncepcji Jerzego Giedroycia // *Wschód Europy*. 2018. №2. S. 53–63.
71. Mieroszewski Juliusz. Rosyjski «Kompleks Polski» i obszar ULB // *Kultura*. 1974. №312. S. 3–14.
72. Piotr Cieplucha. Prometeizm i koncepcja Międzymorza w praktyce polityczno-prawnej oraz dyplomacji II 13 RP // *Studia Prawno Ekonomiczne*. 2014. Vol. 93. P. 39-40 (całość 39-55).
73. Przemysław Waingertner. Jerzego Giedroycia idea ULB – geneza, założenia, próby realizacji. Zarys 3 problematyki // *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX Wieku*, 2015. S. 143–159.
74. Schneider B. R., Heredia B. (ed.). *Reinventing Leviathan: The Politics of Administrative Reform in Developing Countries*. North-South Center Press at the University of Miami, 2003. 319 p.
75. Wallace W., *The Dynamics of European Integration*. London: Pinter, 1990. 308 p.

ОБ АВТОРАХ

Межевич Николай Маратович – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Шимов Всеволод Владимирович – к.полит.н., доцент, старший научный сотрудник Института Европы РАН.

ABOUT THE AUTHORS

Mezhevich N., Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Center for Belarussian Studies, Department of Social and Political Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.

Shimov V., Candidate of Political Sciences, Senior fellow of the Center for Belarussian Studies, Department of Social and Political Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.

**В 2022–2024 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

391. В.Я.Швейцер. Политические проблемы современной Австрии. ДИЕ РАН №391. М., 2022 г.
392. А.В.Котов. Концепция региональной «умной специализации»: опыт реализации в ФРГ. ДИЕ РАН №392. М., 2022 г.
393. Германия. 2021. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №393. М., 2022 г.
394. Этнополитические процессы в современной Европе. Отв. ред. П.В.Осколков. ДИЕ РАН №394. М., 2022 г.
395. Общество и политика в «эру COVID-19». Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН №395. М., 2022 г.
396. А.А.Синдеев. «Классические проблемы» общеевропейской безопасности в работах российских политологов. ДИЕ РАН №396. М., 2022 г.
397. Политика, экономика и безопасность современной Арктики (к 25-летию Арктического совета). Отв. ред. В.П.Журавель. ДИЕ РАН №397. М., 2022 г.
398. «Мягкая сила» в Черноморско-Средиземноморском регионе. Отв. ред. Е.Г. Энтина. ДИЕ РАН №398. М., 2023 г.
399. Британия-2022: смена премьеров, смена монарха. Отв. ред. О.В.Охошин. ДИЕ РАН №399. М., 2023 г.
400. Германия. 2022. Часть 1. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №400. М., 2023 г.
401. Германия. 2022. Часть 2. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №401. М., 2023 г.
402. Ю.И.Рубинский, А.А. Синдеев. Эволюция франко-германского тандема. ДИЕ РАН №402. М., 2023 г.
403. Этническая политика: конфликтные, миграционные и электоральные аспекты. Отв. ред. П.В.Осколков. ДИЕ РАН №403. М., 2023 г.
404. Новые явления в экономике Европы. Отв. ред. А.И.Бажан. ДИЕ РАН №404. М., 2023 г.
405. Вишеградские страны на фоне украинского кризиса. Отв. ред. Л.Н. Шишелина. ДИЕ РАН №405. М., 2023 г.
406. Диалог власти и гражданского общества (европейский опыт). Отв. ред. А.А.Канунников, Р.Н.Лункин. ДИЕ РАН №406. М., 2023 г.
407. Р.М.Плюснин. Финляндия в мировой торговле. Факторы интеграции и глобализации. ДИЕ РАН №407. М., 2024 г.
408. Германия. 2023. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №408. М., 2024 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2022–2024

391. V.J. Schweitzer. Political problems of modern Austria. Reports of the IE RAS, №391. M., 2022.
392. A.V.Kotov. The concept of regional smart specialization: implementation experience in Germany. Reports of the IE RAS, №392. M., 2022.
393. Germany. 2021. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №393. M., 2022.
394. Ethnopolitical processes in contemporary Europe. Ed. by P.V.Oskolkov. Reports of the IE RAS, №394. M., 2022.
395. Society and politics in the «COVID-19 era». Ed. by V.J. Schweitzer. Reports of the IE RAS, №395. M., 2022.
- 396 A.A.Sindeev. «Classic problems» of common European security in the works of Russian political scientists. Reports of the IE RAS, №396. M., 2022.
397. Politics, economics and security of the modern Arctic (to the 25th anniversary of the Arctic council). Ed. by V.P.Zhuravel. Reports of the IE RAS, №397. M., 2022.
398. «Soft power» in the Black Sea – Mediterranean region. Ed. by E.G.Entina. Reports of the IE RAS, №398. M., 2023.
399. The UK-2022: change of prime ministers, change of monarch. Ed. by O.V.Okhoshin. Reports of the IE RAS, №399. M., 2023.
400. Germany. 2022. Part 1. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №400. M., 2023.
401. Germany. 2022. Part 2. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №401. M., 2023.
402. Yu.I.Rubinsky, A.A.Sindeev. Evolution of the Franco-German tandem. Reports of the IE RAS, №402. M., 2023.
403. Ethnic politics: conflict, migration, and electoral process. Ed. by P.V.Oskolkov. Reports of the IE RAS, №403. M., 2023.
404. New developments in the European economy. Ed. by A.I.Bazhan. Reports of the IE RAS, №404. M., 2023.
405. Visegrad countries against the backdrop of the Ukrainian crisis. Ed. by L.N. Shishelina. Reports of the IE RAS, №405. M., 2023.
406. Dialogue of power and civil society (European experience). Ed. by A.A.Kanunnikov, R.N.Lunkin. Reports of the IE RAS, №406. M., 2023.
407. R.M.Plyusnin. Finland in world trade. Factors of integration and globalization. Reports of the IE RAS, №407. M., 2024.
408. Germany. 2023. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №408. M., 2024.

Научное издание

Н.М. Межевич, В.В. Шимов

**БЕЛАРУСЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ.
ИТОГИ ПОСТСОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ**

Монография

Доклады Института Европы
№ 409

Подписано в печать 28.06.2024. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 7,75
Тираж 500 экз. Заказ № AV_017

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96
E-mail: europe-ins@mail.ru, web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ООО «Типография Форпринт»
г. Москва, ул. Брянский пост, д. 5А.
тел.: +7 (495) 211-38-33